Таня Гроттер и ботинки кентавра

Автор:
Дмитрий Емец

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Дмитрий Емец

Таня Гроттер #8

Таня Гроттер, Гробыня, Ванька Валялкин, Гуня Гломов, Ягун и Шурасик попадают в параллельный мир. Леса этого жутковатого мира населены нежитью, а горы и подземелья духами. В нем царствуют четыре стихии: огонь, вода, воздух и земля, которым подчинены все живущие в этом мире маги. Никто не способен использовать магию иной стихии, кроме той, что дает ему силы. Здесь незримо властвует Стихиарий – бесплотное существо, силы которого в десятки раз превосходят силы обычного чародея. Когда-то Стихиарий был перенесен сюда магией Феофила Гроттера. Некогда предок Тани воспользовался помощью Стихиария, но, сочтя назначенную цену чрезмерной, нарушил договор и, не расплатившись с ним, хитростью перенес Стихиария в параллельный мир. Для того чтобы покинуть его и вернуться в собственное измерение, Стихиарию необходимо напоить руны своей чаши кровью Феофила Гроттера, которая бежит теперь в единственных жилах – жилах Тани Гроттер…

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Ван увидел двух лисиц, стоявших на задних лапах, прислонившись к дереву. Одна из них держала в руках лист бумаги, и они смеялись, точно над хорошей шуткой.

Ван попробовал спугнуть лисиц, но не тут-то было; тогда он бросился на лисицу, державшую листок, подбил ей глаз и отнял бумагу. На постоялом дворе Ван рассказал о своем приключении. В это время появился господин с синяком под глазом. Он с интересом выслушал Вана и попросил показать ему бумагу. Ван уже протягивал лист, как вдруг хозяин постоялого двора заметил у новоприбывшего хвост. «Это лисица!» – закричал хозяин, и человек мгновенно обернулся лисицей и убежал.

Лисицы не однажды пытались вернуть бумагу, покрытую непонятными письменами, но безуспешно. Ван решил вернуться домой. В пути он встретил все свое семейство, направлявшееся в столицу. Родные Вана утверждали, что двинулись в путь по его просьбе, а мать показала письмо, в котором он приказывал продать все имущество и приехать к нему в столицу. Ван внимательно посмотрел на письмо и увидел, что это чистый лист. И, хотя они остались без крова, Ван решил: «Возвращаемся».

Однажды в доме объявился один из младших братьев, которого все считали умершим. Он принялся расспрашивать о злоключениях семьи, и Ван рассказал ему всю историю. «Ах, – сказал брат, услышав о столкновении с лисицами, – в этом-то корень всех бед». Ван показал брату листок. Тот поспешно схватил бумагу. Заполучив желаемое, он издал какой-то возглас и, обернувшись лисицей, убежал.

Ню Цзян. «История о лисицах». – Личная библиотека Борхеса. Антология фантастической литературы. СПб., 1999, с. 402.

Все в известном нам мире подчинено симметрии. У нас две руки, две ноги, два глаза. Только болотный хмырь стал бы утверждать после этого, что наш мир единичен во Вселенной.

Акад. С.Черноморов

Глава 1

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ГРОБУЛИЯ

Гробулия Склеппи, придворная фрейлина Царства Огня, сладко спала на огромной кровати из деодеда[1 - Редкое магическое дерево. Не горит в огне, не тонет в воде, но взрывается при одном звучании слова «баобаб». К счастью, упомянутое дерево не известно в данном измерении. На слово же наложено табу.] с четырьмя резными головами сатиров, которые имели свойство каждый раз за полчаса до полуночи менять выражение. В данный момент одна из голов была демонически угрюма, другая хохотала, третья рыдала отравленными анчарными слезами, четвертая же спала, похрапывая во сне громче самого царя Бэра, о котором придворные льстецы говорили, что он храпит музыкально, на три такта исполняя государственный гимн. Злые же языки утверждали, что каждый раз в полнолуние Бэр полностью выхрапывает легкомысленную песенку: «Я у реченьки гуляла, водяного повстречала».

Кровать Гробулии была роскошна, но имела дурную славу. Сказать по секрету, ни у кого другого в царстве, кроме самой Склеппи с ее извечной тягой к могильному юмору, не хватило бы смелости поставить ее у себя в покоях.

Двенадцатью годами до того на ней был задушен подушкой первый магнистр Пламмельбурга, вызвавший гнев Ее Величества царицы Нуи тем, что упорно прикидывался трезвенником, не желая осушать чашу с ядом. А еще девять лет и семь месяцев спустя суровый магшал Рокк на этом же ложе зарубил двуручным мечом свою легкомысленную супругу и ее пажа. Меч магшала Рокка был знаменитый «Сын Пламени», второй из трех великих мечей царства. Лезвие его было сплошной огонь, красноватый и даже с искрой у рукояти и испепеляюще белый к краю. Лучше всего «Сын Пламени» разил перед рассветом. В дождь же он почти терял свою силу и едва мог справиться с заурядным заговоренным щитом.

Если приглядеться, можно было заметить, что спящая Склеппи что-то держала в руках, гладила и прижимала к щеке. Это были самые обычные варежки – красные пушистые варежки на резинке, которую обычно продевают в рукава маленьким детям, чтобы варежки не потерялись. Теперешней Гробулии они едва налезли бы и на нос. В Царстве Огня, где даже в суровые зимы никогда не замерзала вода и не опадали листья, варежки были экзотикой, тревожащей и опасной.

– Чьи это маленькие ручки? – поцелуй в ладонь. – Какая ты у меня большая девочка, Аня! Ты в прошлый раз не замерзла? Надеюсь, эти новые варежки ты не будешь стаскивать?

Она трясет головой – как же можно их стаскивать на морозе, когда даже дома ей не хочется их снимать?

– Не отходи далеко от подъезда! Стой так, чтобы я постоянно видела тебя из окна.

– Ага.

– И не приноси больше дохлых птиц. Сколько можно? Я не хочу, чтобы у моей дочки лежали под подушкой мертвые замороженные птицы со свешивающимися головами. Теперь, когда у тебя такие чудесные варежки, ты же не будешь больше этого делать?

– Не-а, обещаю, что не буду. Я же не убиваю их!

– Но ты их подбираешь. Еще не известно, что лучше. Стой ровно, не вертись!

Ее берут и легонько дружелюбно трясут, застегивая пуговицы. Варежки – маленькие, пушистые, очень приятные – облегают руки. Только резинка чуть мешается в рукавах. Но и это терпимо. Резинка – это надежность, залог того, что варежки не потеряются.

– И не придумывай себе больше эти мертвецкие имена. Ты огорчаешь этим свою маму! Ну беги, зайка! Чтобы я тебя видела из окна, помни! Я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя, мам!

Она сбегает по лестнице – второй этаж кирпичной пятиэтажки. В подъезде полутьма. Пахнет штукатуркой, недавно вымытыми ступеньками и сигаретными окурками, которые мокнут в банках на подоконниках. И ко всему этому примешивается вкусный, манящий запах домашней стряпни из нижних квартир. Склеппи немного боится подъезда. Она крадется вниз, на секунду оказывается в полной темноте нижней площадки у урчащего распределительного щита – и пытается нашарить дверь. И вот наконец новые варежки нащупывают длинную деревянную ручку двери подъезда и чуть в стороне – кнопку, открывающую домофон. Нажимает, слушает комариный писк, толкает. И ей в глаза бьет снежная, колючая, такая манящая белизна…

Внезапно в спокойный сон Гробулии проникло извне какое-то беспокойство.

– Опять эта наглая Склеппи! Сколько можно выносить ее выкрутасы? Да разбудите же ее кто-нибудь! – жалующимся голосом крикнул кто-то.

– Сама буди, Эйда!

– Почему я? Она сейчас пинаться начнет!

– Смотрите, у нее в руках опять ее проклятый амулет вуду! Может, отобрать его?

– Ага, сама попробуй. Она тебя наизнанку вывернет… Ты что, не знаешь Склеппи?

– Но нас же много!

– Нас много, но это-то Склеппи!

Истошно завизжала случайно затесавшаяся в толпу фрейлин любимая борзая принцессы Августы, которой в суматохе отдавили лапу. Гробулия попыталась зарыться в перину и применить заклинание невидимости, но этот фокус не сработал: ее все равно нашарили. Ощутив, что ее самым бесцеремонным образом трясут, Склеппи наугад пнула ногой, но ни в кого не попала. Зато за ее ногу ловко ухватились и не отпускали уже, лишая Гробулию возможности наносить новые пинки.

– Стыдись, Гробулия! Ты позоришь высокое звание фрейлины! Ее Высочество не желает начинать без тебя свой утренний туалет!.. Она может опоздать на прием, и это сегодня, когда ей должны представить ее жениха принца Форна! Какой скандал! Когда-нибудь иссякнет даже безграничное терпение Его Величества Бэра III и он велит залить тебе в горло кубок раскаленной лавы! – сказал чей-то писклявый от ответственности голос.

– Иди ты в театр, Эйда! – открывая глаза, внятно сказала Склеппи. Она уже поняла, что он, тот самый сон, который она так любила и так надеялась запомнить, – опять ускользнул. Ну почему? Почему всегда так? Ни разу ей не удавалось досмотреть его до конца. Всякий раз все заканчивалось яркой белой

вспышкой света.

От такой наглости фрейлины опешили и даже отпустили ногу, но, опомнившись, насели на Гробулию все разом и начали стягивать с кровати. Сопротивляясь, Гробулия посылала их в консерваторию, в цирк, на магладиаторские бои и куда придется, но зудящий рой фрейлин не отставал. Некоторое время Склеппи отбивалась гремучими огненными запуками и рыжими молниями, соскальзывающими с ее талисмана подобно змеям, а затем, когда талисман у нее отняли, то и подушкой. И, лишь потеряв ее в пылу боя, она смирилась и свесила с кровати ноги.

– Уговорили! Я сейчас приду! Только дайте мне одеться! – сказала она звенящим от честности голосом, быстро пряча варежки в укромную нишу в спинке кровати. Век варежек недолог, но потому так сладок он… За прошедшие годы пух вылез. Моль прогрызла дыры. Сквозь обмякшую резинку проглядывают желтоватые прожилки, давно утратившие упругость. Сколько раз варежки, как на волоске, повисали на своей резинке над распахнутой пастью мусоропровода, однако она так и не нашла в себе сил расстаться с ними. Они стали ее талисманом, с которым она не расстанется ни в одном из миров, куда ни заведут ее извилистые дороги магии… Если кто-то захочет украсть варежки из ниши кровати – хотя никто в Царстве Огня не посмеет связаться с загадочным амулетом вуду, – в руку вору войдут сразу четыре отравленных шипа, пропитанных смолой анчара, и голова сатира зальется лицемерными слезами над похолодевшим трупом. Древние кровати умеют хранить тайны – свои и чужие. – Не хотите уходить? Ну тогда отвернитесь! – сказала Склеппи еще честнее, надеясь вздремнуть еще хотя бы минуту. Возможно, чудесный сон вернется.

Но наученные горьким опытом фрейлины не поддаются и на эту уловку. Одиннадцать фрейлин в двадцать две руки наспех одевают Склеппи и увлекают ее за собой…

* * *

Шестнадцатилетняя принцесса Августа, единственная дочь Бэра III, грозного повелителя Царства Огня, и его супруги Нуи, которая после рокового проклятия воздушных магов воображала себя палачом, металась по своей спальне. Сказать, что она была взволнована или встревожена, значило просто промолчать. Единственное, чего принцесса не делала – не извергала огонь, да и

то потому, что это значило бы отнимать хлеб у придворных драконов.

Едва Гробулия появилась в ее опочивальне, принцесса Августа кинулась к ней.

– Склеппи, ты бросила меня, негодница! Все меня бросили!.. Если я вам надоела, так и скажите! И я уйду! Оставлю все и уйду в простом рубище и с мешком за плечами! – крикнула она со слезами на глазах.

Гробулия подавила зевок и выполнила на три такта церемонное придворное приветствие. Принцесса Августа грозилась уйти по два раза в неделю, но то ли рубище было не того фасона, то ли в мешок помещалось мало бриллиантов… Сказав еще пару фраз о своих невыносимых страданиях, Августа остановилась и позволила фрейлинам приступить к утреннему туалету. Пока одни обтирали лицо и шею принцессы губкой, другие – с чулками, корсетом и шуршащими юбками – терпеливо ожидали своей очереди.

У всех женщин царской фамилии лица были длинными, лбы низкими, а нижняя челюсть непропорционально тяжелой, точно они держали во рту камень. Придворные льстецы утверждали, что это лучшее доказательство чистоты крови – ведь прабабушкой принцесы по материнской линии была легендарная Амулия Великолепная, императрица Всех Царств. Злоязычное же простонародье находило более простое и правдоподобное объяснение. «Лошадиный сглаз, сосед! Нечего было на кентавров войной ходить – вот и домахались сабелькой. Семь поколений теперь весь род отдуваться будет».

Наконец, совсем уже одетая и готовая к приему, принцесса Августа села на высокий стул у зеркала. Почетной обязанностью Гробулии – чему завидовали все без исключения фрейлины – было расчесывать и укладывать принцессе волосы. Взяв деревянный гребень, все еще хмурая Склеппи решительно взялась за дело.

– Эй, что с тобой сегодня? Ты дернула меня за косы! – с возмущением воскликнула принцесса.

– С каких это пор жирные макароны, прилипшие к лысине, стали называться косами? – пробурчала Гробулия.

– Ты что-то сказала, Склеппи? – переспросила Августа.

– Я сказала: простите, Ваше Высочество! Я очень сожалею, что причинила вам неудобство. Мерси, пардон, ай эм сорри, их либе дих!

– Прекрати говорить эти слова, ненавижу черную магию! Ты сказала что-то другое! Я не глухая! – подозрительно сказала принцесса.

– Ваше Высочество, есть сколько угодно других фрейлин, которые лучше меня умеют укладывать волосы! Кроме того, это вообще можно сделать с помощью магии. Фенус бальзамус брадобреюс; Эпиляторус тоталис или что-то в этом духе, – заявила Гробулия.

Одиннадцать фрейлин в ужасе притихли. Ох уж эта Склеппи! Разве кто-нибудь еще осмелился бы сказать это принцессе? Августа надулась.

– Но я хочу, чтобы меня расчесывала именно ты! Будешь отказываться – тебя бросят в медного быка, хоть ты и моя подруга. Так будешь расчесывать или нет? – топнув ногой, сказала она.

– Да сколько угодно буду! Но только ближе к вечеру. До обеда я ничего не соображаю… Это не мое астральное время! Сейчас моя карма на подзарядке, мозги в починке, а я сама в отключке, – заявила Гробулия.

Угроза принцессы бросить ее в раскаленного быка не произвела на нее впечатления. В Огненном Царстве темперамент почти у всех был соответственный, а характер пребывал где-то на отметке между «скверный» и «очень скверный». Зато и остывали все быстро.

– Не соображаешь ничего? Я давно это заметила. Но почему, Склеппи? – хихикнула принцесса.

– Просто надо ложиться не позже рассвета, а не бродить по дворцу! Тогда десять утра перестанет быть безумной ранью! – не удержавшись, наябедничала толстая фрейлина Эйда Сирос, удостоенная чести обувать принцессе правую туфельку. Гробулию она терпеть не могла, впрочем, та платила ей взаимностью.

Августа с любопытством уставилась на Склеппи.

– Это правда, что ты гуляешь по ночам?.. А, знаю: свидание! Какого бедного пажа ты охмуряла сегодня?.. Хи-хи… последний отвергнутый тобой осел вздумал заколоться кинжалом прямо у дверей моей спальни. Только почему-то решил, что сердце у него в ляжке, – хмыкнула принцесса.

Гробулия убито кивнула:

– Ах, Ваше Высочество! А что я могу поделать? У меня принцип такой: ни дня без разборки, ни ночи без свидания. Иногда я даже назначаю два или три. Просто так. Обожаю динамить мужиков. И еще люблю, когда они дерутся из-за меня – мечами, кулаками – неважно.

– Хм! – вкладывая в это хмыканье все негодование, возмутилась Эйда Сирос. Если бы хмыканьем можно было убить, Гробулия точно повалилась бы замертво.

– Не кипятись, Эйдочка! – сладко сказала Склеппи. – Я же не виновата, что у тебя было только одно свидание – с царским поваренком. Ясное дело, поваренок не явился. Потом оправдывался, что это все из-за старшего повара. Будто повар заставил его мешать в котле лапшу, чтобы она не слиплась. Да только, на мой взгляд, он не мешал лапшу, а вешал ее кое-кому на хорошенькие толстые ушки.

Принцесса Августа расхохоталась, зато Эйда покраснела до кончиков волос.

– Ложь! Наглая ложь плебейки! – крикнула она.

Принцесса Августа прищурилась. Она обожала стравливать своих фрейлин.

– Эй, Гробулия! Ты слышала? Тебя назвали плебейкой! Что ты об этом думаешь? – спросила она.

– Ничего не думаю! Видала я таких благородных! Кровь голубая, а сама синяя! – фыркнула Гробулия.

Эйда Сирос вспыхнула.

– Что ты понимаешь в благородстве, выскочка? Твой дед торговал гробами и просмоленными балахонами во время чумы – тогда и вылез в люди. Твой отец

был просто жулик, который чудом избежал быка! Мой прадед Люпус Сирос был грозой летающих крепостей воздушных магов. А мой отец, главнокомандующий Кирос Сирос, дважды осаждал Арапс… И тем не менее я ложусь спать в десять вечера!

– Эйда, ради Огня, отвали! Я потому и люблю ночь, что ночью ты не путаешься у меня под ногами! – взмолилась Гробулия.

– Как ты смеешь так разговаривать со мной, выскочка? Да мой отец Кирос Сирос…

– …самый бездарный полководец Империи, превзошедший даже Тифуса II Невезучего, – не выдержала Склеппи. – Дважды он едва успевал вскочить на дракона и смыться, когда маги Арапса ночными вылазками разбивали его войско. В последний раз, по слухам, он прилетел в одном сапоге. Не будь он таким подхалимом, его давно бы назначили смотрителем царских павлинов. На большее он все равно не тянет.

Принцесса Августа захихикала. Хотя она была принцессой могущественного Царства Огня, а Склеппи всего лишь фрейлиной, но факт остается фактом: Гробулия с ее сильной харизмой вертела принцессой как хотела. Вспыльчивая и капризная, Августа скорее согласилась бы лишиться своей редчайшей коллекции фарфоровых чашек, чем провести один день без Склеппи. Но при этом говорить о любви принцессы к Гробулии не приходилось. Принцесса вообще мало кого любила. Просто Гробулия была необходима ей как воздух.

– Склеппи, да как ты смеешь? – жалобно воскликнула почти уничтоженная Эйда.

– Умолкни, киса, и надень на Ее Высочество туфлю, чтобы нам было чем в тебя запустить, если ты снова начнешь бредить! И еще одно: когда в следующий раз вздумаешь подсыпать мне в чай слабительного, не забывай рядом с чашкой ложечку со своим вензелем, – добивая поверженного врага, посоветовала Гробулия.

Эйда Сирос снова вспыхнула и отвернулась.

«Выскочка, наглая выскочка! – подумала она. – Год назад она не помнила даже, кто она такая! Забыла все церемонии, даже имя короля! Кое-кто шептал, что ее

подменили! Ну ничего, мой час еще пробьет! Она зарвется – и я ее уничтожу!»

– Склеппи, эти бестолковые фрейлины не могут даже разнюхать про принца, красивый он или нет! Говорят, якобы он так и пересек границу в рыцарском шлеме! – перестав хихикать, громко пожаловалась Августа.

– Меня это не удивляет. Да простит меня Ваше Высочество, принц Форн скорее всего просто обезьяна, – сказала Гробулия.

– Ты меня убиваешь! Ты точно уверена? – спросила Августа озабоченно.

– Принцы всегда чуть получше крокодила. Красавчиками они бывают только в сказках. Те, кто считает иначе, начитался сказок натощак, – заявила Гробулия.

Принцесса прикусила губу:

– Боюсь, что ты окажешься права, Склеппи. Ты всегда права. Это просто невыносимо. Может, мне тебя отравить, а?.. Почему ты думаешь, что он страшный?

– А каким, пардон, еще может оказаться сын Гуссина Семипалого и Улюлии Приплюснутой? Если он окажется красавчиком, я съем живую виноградную улитку.

Эйда Сирос даже передернулась от такого кощунства.

– Все слышали ее слова? Это государственная измена! – воскликнула она.

– Измена? Ничуть. Это всего лишь Склеппи злится, что мы ее разбудили, – сказала принцесса. – Склеппи, но ты сама его видела? Хотя бы краем глаза?

Гробулия фыркнула:

– Сами знаете, как ваша мамуля относится к нарушению этикета. Никто не может ни взглянуть на принца до начала церемонии, ни даже переговорить с ним. Я видела только его водных драконов у нас в реке.

– И как они тебе?

– Ничего себе, довольно жуткие. Там собралась толпа, и все на них глазеют. Вообразите, они не умеют летать и выдыхают не огонь и даже не дым, а раскаленный пар и кипящие струи воды. А вот сбруя на них неважная. Но Гуссин Семипалый всегда был скряга. Говорят, он ходит по дворцу в фальшивой короне, опасаясь, что настоящую украдут. Прислал сына, а на уздечках драконов ни единой жемчужины. В конце концов, не каждый день сватаешься. А ведь жемчуга-то у них завались.

– А сундуки для приданого небось пришлет свои, чтоб побольше влезло. Говорят, у него есть один такой сундук, в который влезет пятая часть нашего Царства! – поспешно вставила Эйда Сирос.

Принцесса Августа вспыхнула.

– Помолчи, Эйда! Может, я еще не соглашусь стать его женой! Отошлю его восвояси, – сказала она с негодованием.

– Хорошо бы, – сказала Гробулия. – Но это все равно что объявить Царству Воды войну. В конце концов, наше тридцатилетнее перемирие почти истекло. Да его никогда особенно и не соблюдали. За это время они утопили шесть наших послов. Мы, хвала великодушию вашего папочки Бэра III, пока прикончили у них только пятерых, правда, последнего сожгли в медном быке. Нет, после двух подряд поражений от магов Арапса вашему отцу просто необходим союз с Гуссином, его кентаврами и водными драконами.

– Разве кентавры служат Гуссину? – удивилась Илзи, белокурая, краснощекая фрейлина, отвечавшая за застегивание пуговиц. Гробулия не слишком ее любила. Несмотря на то что ума у Илзи было не очень много, его хватило, чтобы отбить у Склеппи одного из пажей.

– Илзи, киска, у кентавров нет другого выхода. Если они не будут служить Гуссину, он не захочет терпеть их народ на своих землях. После Великого Сражения кентавры ненавидят всех магов без исключения. Ведь тогда против них бились армии всех Царств. Но на других землях кентавров истребили или загнали в леса, в Царстве же Воды им позволили укрыться и используют теперь как пастухов и наемников. Кентавры отличные воины и меткие лучники. Правда,

поговаривают, что в последние годы у кентавров появился какой-то вождь, который хочет вернуть их народу свободу, но, возможно, это слухи. Кентавры все равно сражаются в войсках Гуссина. Если Бэр III собирается поставить Арапс на место, без кентавров нашей армии под Арапсом даже делать нечего. Наши же огненные драконы будут полезны Гуссину в войне с Бореем. Ведь это летающий город, а водные драконы Гуссина не летают. Чтобы скрепить союз – нужна свадьба. А значит, принц Форн должен стать мужем принцессы Августы.

Принцесса решительно встала.

– Думаешь, мне самой это неизвестно? – спросила она. – Ах, Склеппи, если б ты только знала, до чего тухло иногда быть принцессой! Ты можешь все, совершенно все… и одновременно не можешь ничего, даже пококетничать с кем-нибудь!.. Ладно, пошли, а то мамуля еще казнит церемониймейстера. После этого ужасного сглаза у нее жутко испортился характер.

Одиннадцать фрейлин понимающе вздохнули. Гробулия Склеппи, спохватившись, поспешила вытащить из волос Августы забытый гребень…

* * *

Зал торжественных приемов был полон. Не просто полон – набит битком. Вздумай коварные маги Борея расплавить цепь огромной люстры, она придавила бы добрую треть двора Бэра III, включая самого монарха и его царственную супругу.

В сводчатых потолках дробилось многоголосое эхо, сталкивавшее тугие обрывки слов как на языке бывшей империи, так и на множестве варварских наречий. У дверей и вдоль стен стояли боевые маги в золоченых нагрудниках. В их могучих руках полыхали извлеченные из ножен огненные мечи. Это была лучшая рота личной гвардии Бэра III, поклявшаяся умереть с царем в один день и час. Правда, здесь можно было встретить и гвардейцев, давших такую же клятву и Фиру II, отцу нынешнего государя…

По колоннам из костей гигантских ящеров, некогда обитавших на равнинах Диких Земель, бежала причудливая резьба со сценами охоты. Последний сухопутный ящер, чьи размеры, включая хвост, превышали размеры самой

высокой и мощной боевой башни Царства, по достоверным сведениям был убит лично Фиром II, отцом Бэра III. Об этом подвиге было сложено три поэмы и написан один рыцарский роман. Правда, при этом иногда шепотом прибавляли, что Фир II использовал заговоренный дрот, что значительно понижало значимость его подвига.

В настоящий момент Бэр III, толстый, краснолицый, похожий на помидор, отрастивший по недоразумению коротенькие ножки, восседал в парадной мантии на троне. В руках у него был надушенный платок, которым Его Величество то и дело изволили промокать лоб. Но и это не спасало. Бэру III было жарко, и он громко отдувался, производя неподражаемый, истинно царский звук «Фтю-ю-ю»! Рядом на другом троне сидела царица Нуи. Ее трон, как и полагается, был ниже царского на полпальца. Зато сама царица была выше своего супруга на две головы, так что все равно оставалось непонятно, кто тут главный.

– Фтюю… Ты опоздала, дорогая! Ты же знаешь, как для меня утомительно все утро держать этот противный скипетр… – пожаловался Бэр III, когда дочь появилась в зале.

– Прости, папа! Мне хотелось выглядеть получше, а эти дуры фрейлины так долго копались!

– Казнить! – рявкнула царица Нуи.

– Не сейчас, дорогая… Это испортит церемонию! – томно отмахнулся Бэр. – Начинайте, друзья мои!

Дождавшись, пока принцесса Августа с пестрой стайкой фрейлин займет предписанное место по правую руку от трона, Бэр III махнул платочком, и тотчас в зале для торжественных приемов стало тише, чем в фамильной усыпальнице царского рода.

По знаку церемониймейстера в широкие двери вошел принц Форн со свитой. Голубоватый магический нагрудник принца был из журчащей прозрачной воды. Вода не только не проливалась, но и постоянно, с огромной скоростью вращалась вокруг груди принца. Боевые маги лучшей роты Бэра III смотрели на нагрудник принца с нехорошим любопытством. Похоже, их интересовал вопрос:

можно ли пробить водный нагрудник огненным мечом и если «да», то как быстро?

Приблизившись к трону, принц Форн снял шлем, с достоинством поклонился Его Величеству и, как требовал этикет, от своего имени и от имени своего отца Гуссина Семипалого галантно осведомился, в добром ли здравии царь, царица и прекрасная принцесса Августа.

Тем временем принцесса уже бросила на Форна быстрый взгляд и разочарованно засопела. У принца было плоское невыразительное лицо, белесые брови и огромные щели между зубами. Сомнений не было. Потомок Улюлии Приплюснутой унаследовал все ее лучшие черты. Правда, надо отдать ему должное, кошмарная внешность никак не сказалась на его чудовищной самоуверенности и даже не помешала ему иметь репутацию бывалого соблазнителя.

Царице Нуи, чье царственное сознание в это время дня всегда погружалось во мглу, гость тоже не понравился.

– Стража, это еще кто? Какой противный! Бросить в быка! – приказала она.

– Фтюю!.. Дорогая, но это же принц Форн, – сказал Бэр III.

– Ну и что? Разве он бессмертный?

Бэр III понюхал платочек:

– Нет, дорогая. Едва ли. Не думаю.

– Тогда казнить!

– Но, дорогая, он наш гость и жених нашей дочери.

– В самом деле? У нас есть дочь? Разве я еще ее не казнила? – разочаровалась царица Нуи.

– Нет, милая, пока нет.

Царица Нуи посмотрела на мужа задумчивым взглядом голодного удава. Она смутно помнила, что когда-то видела его, но не могла вспомнить, где именно.

– У меня есть идея получше! Эй, стража, взять этого мерзкого типа, который спорит с самой царицей! В быка его!

Боевые маги, знавшие причуды царицы, не шелохнулись. Бэр III промокнул платочком лоб и печально улыбнулся принцу Форну.

– Дорогая, ты увлеклась. Меня не стоит казнить. Во всяком случае, не сегодня. Я царь, – еще мягче заметил Бэр III.

– Какая незадача, царь он!.. Ладно, живи пока, царь! Отравлю за ужином! Сделайте кто-нибудь пометку в моем блокноте! – буркнула царица Нуи.

Принц Форн, слышавший весь разговор от первого и до последнего слова, повел себя очень достойно. Видно, был уже предупрежден о сумасшествии царицы. Чтобы разрядить обстановку, он подал знак свите. Сопровождавшие его магцыри стали выкладывать подарки на мраморный пол у трона.

Здесь было все, чем славилось Царство Магов Воды: доспехи, драконьи седла, блюда из раковин и перламутра, невидимые плащи, вытканные из водорослей. Ее Высочеству было поднесено редкой красоты жемчужное ожерелье, не без труда вырванное из цепких ручек будущего тестя.

– Склеппи, как ты думаешь, сколько ему лет? – спросила Августа.

– Какая разница? Такая прелесть! Я просто без ума! – с восторгом сказала Гробулия.

– Ты это о чем? – ревниво спросила принцесса.

– Об ожерелье.

– Тьфу! Я тебя о принце спрашиваю!

– А-а-а!.. Ну, лет тридцать, наверное, – прикинула Склеппи.

– Кошмар! Не то чтобы совсем дряхлый, но уже пожилой, – ужаснулась Августа.

На самом деле бедняге Форну было двадцать два, но ни Склеппи, ни Августа об этом не знали. А если бы и знали, для них все равно не было особенной разницы между двадцатью двумя и тридцатью. И то и другое было безумно много.

– А как он тебе? Конечно, страшный, но, по-моему, не дурак? – неуверенно сказала Августа, в поисках поддержки поворачиваясь к фрейлине.

– Что не дурак, это точно! – подтвердила Гробулия. – Он очень даже ничего. Мне мама всегда говорила, что мужчина должен быть чуть красивее обезьяны и немного богаче Рокфеллера.

Принцесса и с полдюжины фрейлин – в их числе, разумеется, и Эйда Сирос – уставились на Гробулию с откровенным любопытством.

– Баронесса Склеппи? Она умерла, едва ты появилась на свет! И ты же ничего не помнишь о прошлом! – с подозрением сказала Эйда.

Гробулия вздохнула.

– Иногда меня капитально глючит, – произнесла она доверительно. – Я вспоминаю какие-то вещи, которых просто в природе существовать не может. Например, совсем недавно мне приснился странный белый предмет, отдаленно похожий на нашу Чашу Грааля. В нем что-то грозно бурлило. И я совершенно отчетливо поняла, что это называется «унитаз».

Принцесса округлила глаза.

– У-ни-таз! – раздельно повторила она.

– Это магия вуду! – с ужасом сказала Эйда Сирос. – Я скорее откушу себе язык, чем соглашусь произнести такое.

Склеппи слушала ее вполуха. Она уже задумчиво скользила взглядом по принцу Форну, который – о позор ветрености! – гораздо чаще поглядывал на нее, чем на свою невесту.

К счастью для Гробулии, двору было в данный момент не до наблюдения за принцем. Царица Нуи только что велела казнить церемониймейстера и даже сама погналась за ним с огненным мечом, отобранным у одного из магов.

Убедившись, что хитрый церемониймейстер забился под трон и выкурить его оттуда не удается, царица разрыдалась и приказала сжечь дворец. Правда, уже через минуту она передумала и даже согласилась скушать рябчика, потребовав еще бокал красного вина.

– Рябчика дать! Вино разбавить! Принц Форн по церемониалу должен поцеловать ей руку, а как он это сделает, если ее придется привязать к трону? – деловито распорядился Бэр III.

Тем временем Склеппи, поймав очередной взгляд принца, из озорства быстро провела пальцем по губам, затем коснулась левого уха и двумя пальцами потерла нос. Она сделала это так спокойно и одновременно быстро, что со стороны это выглядело совершенно естественно, как если бы она просто смахивала с лица паутинку.

На тайном языке придворных – общем языке всех Царств, восходившем еще ко времени императрицы Амулии, – это означало: жду на свидание во время второго караула у дверей ваших покоев.

Принц Форн слегка улыбнулся, быстро взглянул на Склеппи и с соблюдением всех церемоний поклонился своей невесте. Гробулия поняла, что он обязательно придет.

«Клянусь Огнем, я опять куда-то влезаю! Блин! Блин! Блин!» – подумала она, вновь ловя себя на мысли, что произносит непонятные слова, явно относящиеся к магии вуду. Блины, равно как и оладьи, не были известны в Царстве Огня, где предпочитали приготовленные на огне тонкие лепешки, в которые удобно было заворачивать куски дичи.

Внезапно острая боль пронзила Гробулию. Ей почудилось, что рука ниже локтя у нее вообще исчезла, а на ее месте осталась лишь отвратительная, мерзко пахнущая рана. Если Склеппи не завопила, то только потому, что ей было слишком больно. Когда бывает больно так, сил на крик уже нет. Главное – суметь сделать очередной вдох. Холодный пот мгновенно залил ее лицо и спину. Она боялась даже взглянуть вниз на руку, уверенная, что не увидит там ничего, кроме паленого мяса.

Лишь спустя несколько секунд боль стала терпимее. Во всяком случае, у Склеппи появилась реальная возможность заорать, но она не заорала, а, незаметно шагнув под защиту тяжелой занавески, закатала рукав. Она начала уже понимать, что к чему. Так и есть… раскалившийся браслет прилип к коже. Шипя от боли, Гробулия поспешно сдвинула его ниже. Разогревшийся металл остывал. Там, где он только что прилегал к руке, на белой нежной коже, пульсировавшей тонкими жилками вен, которые один влюбленный паж сравнивал с реками на географической карте, вздулись красные буквы ожога:

«НЕ ВСТРЕЧАЙСЯ СЕГОДНЯ С ПРИНЦЕМ!»

– О нет! – в ужасе прошептала Гробулия.

Последние два месяца браслет молчал, и она почти успела забыть о нем, и вот…

– Опять! Опять! Опять! – повторила Склеппи.

Этот браслет был ее проклятием, ее карой и страхом. Был тем, что даже ночью, когда ты не помнишь о нем, заставляет сердце пугливо замирать, а тело обливаться холодным потом. Обычный браслет, который приковывал ее ко всем страхам этой жизни подобно наручникам. Все началось триста сорок четыре дня назад, когда, не помня ровным счетом ничего, Склеппи оказалась на окраине Пламмельбурга, в самом дурном и бандитском его районе, о чем она, разумеется, не знала, поскольку впервые видела этот район, этот город и даже свое отражение в луже. А собственное отражение, признаться, немало ее удивило и даже порадовало, поскольку, даже утратив память, Гробулия сохранила потребность быть броской и особенной. Серые мыши и моль пусть забиваются в свои углы. На охоту вышла она – великолепная и неподражаемая… эй, как меня зовут?.. ну неважно! Я, просто я! Это звучит гордо и особенно.

Склеппи, появившаяся в этом мире неизвестно откуда, была с волосами, покрашенными в немыслимый цвет, и в слишком короткой по здешнему обычаю юбке, которая заставляла мужчин бросать на нее двусмысленные взгляды, а женщин брезгливо плеваться. Причем что заставляло женщин плеваться, так и оказалось невыясненным. Не плевались же они, когда видели свои собственные, толстые, как колонны, ноги, сотрясавшиеся при каждом шаге словно желе? Правда, ноги Склеппи были гораздо симпатичнее, что во много раз увеличивало праведность их гнева.

Именно тогда, когда она решила подойти к первому же прохожему и задать ему вопрос, где она, Гробулия впервые ощутила обжигающую боль и познакомилась с браслетом. Он уже тогда был на ней. Широкий, не из драгоценного, а из самого обычного металла, без узоров. По кисти он скользил свободно. Это потом уже он начал сжиматься.

Снять его было невозможно. Это сразу причиняло ужасные страдания. Казалось, огненные буквы отпечатываются не только на коже, но и в мозгу, расплавляя его болью, с которой ничто не могло сравниться.

«ТЫ БУДЕШЬ ПОВИНОВАТЬСЯ! СНЯТЬ БРАСЛЕТ НЕ ПЫТАЙСЯ. ЕГО МОЖНО НАДЕТЬ ТОЛЬКО ОДИН РАЗ. ТОТ, КТО СНИМЕТ ЕГО – ИСПЫТАЕТ ЖУТКУЮ БОЛЬ. ПОТОМ БОЛЬ ПРОЙДЕТ, НО ЧЕРЕЗ ЧАС ОН УМРЕТ».

«Кто ты?» – с ужасом подумала Гробулия. Даже не произнесла вслух, просто подумала. И, что было еще страшнее, сразу же получила ответ.

Ее запястье вновь обожгло.

«НЕВАЖНО… НАЗЫВАЙ МЕНЯ АРИЙ… А ТЕПЕРЬ ИДИ И НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ, ПОКА НЕ ОКАЖЕШЬСЯ ВО ДВОРЦЕ. Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЕБЕ ПРИЧИНИЛИ ВРЕД. ПОКА НЕ ХОЧУ».

Больше Склеппи ничего не спрашивала. Лишний вопрос – лишняя боль. Это Гробулия усвоила раз и навсегда.

И она послушалась. Что ей еще оставалось? Преследуемая скользкими типами, делавшими ей скверные предложения, она добежала до дворца и кинулась к магцырям, охранявшим ворота. Подозрительные личности отстали, наблюдая

издали. Магцыри хотели бесцеремонно вышвырнуть ее, ибо дворец Его Величества Бэра III не то место, где шляются легкомысленно одетые девушки, но Гробулия так завизжала, что на ее крик вышел начальник караула. И сразу же – о удача! – узнал в ней фрейлину принцессы Гробулию Склеппи, исчезнувшую день назад при невыясненных обстоятельствах. Вероятно, фрейлина была похищена, но, кем и с какой целью, так и осталось неизвестным, поскольку Склеппи не помнила ровным счетом ничего. Настолько, что даже перепутала царицу Нуи с кухаркой. Но все же природная хватка взяла свое. Склеппи быстро заново освоила придворный этикет и сблизилась с принцессой, которая и прежде ценила все прелести – равно как и подводные камни – темперамента неунывающей Гробулии. Теперь же Склеппи стала еще более яркой, еще более незаурядной – это признавали все, у кого в голове было хотя бы на медный грош мозгов.

И все это время, все триста сорок четыре дня у Склеппи хватало благоразумия прислушиваться к жутким приказам браслета. Даже к самым странным приказам, например, выкопать ночью в саду тринадцать луковиц черного тюльпана и в ночь полнолуния разложить их причудливой и зловещей фигурой на лужайке с солнечными часами. Казалось бы, нелепая блажь, но наутро оказалось, что в ту самую ночь на лужайке насмерть перегрызлись восемь царских гончих, а пытавшийся разнять их псарь лишился пальцев на руке. Кто бы ни был таинственный руководитель Склеппи и какие бы цели он ни преследовал, белым магом его не назовешь, это точно.

Сколько раз Гробулия с ненавистью разглядывала браслет, который иногда, следуя внутренней своей прихоти, менял форму. Порой он становился узким и изящным, с мелкими колючими бриллиантами, или холодным и тяжелым, из зеленого с прожилками камня, а иногда – дутым и золотым, поражая даже любившую все броское Гробулию мещанской безвкусицей.

Не раз Склеппи казалось, что она может снять браслет – просто сдернуть его с руки и быстро отбросить. В конце концов, это был всего лишь браслет, побрякушка, хотя и магическая, – но стоило ей только подумать об этом, как запястье начинало почти взрываться, а руку словно глодали сотни злобных пираний, и Гробулия моментально вспоминала грозное предупреждение. Вначале жуткая боль, а через час смерть. Проверять, верно ли это, – желания у нее не было. Во всяком случае, в очевидности боли сомневаться не приходилось.

«Может, я потому тогда и потеряла память, что попыталась снять его?» – думала она с тревогой.

Но теперь Гробулия не собиралась торчать всю ночь в комнате, что бы там браслет ни говорил. Принц крови, даже страшный как обезьяна, был слишком лакомой добычей.

Придворный прием проходил по всем правилам этикета и был до невозможности томителен. Несколько неожиданным был только его финал. Царица Нуи вылила на голову царю Бэру разбавленное красное вино, назвав его проклятым алкоголиком, а в принца Форна швырнула рябчиком, крикнув: «Кушай, песик, пока мамочка добрая!»

После этого неприятного инцидента царицу Нуи почтительно увели отдыхать. Она ушла без вопросов, почти добровольно, лишь в дверях, неожиданно рванувшись, укусила за щеку зазевавшегося министра пошлин и сборов.

Воспользовавшись суматохой, с полдюжины придворных, в том числе и Склеппи, выскочили из зала, якобы сопровождая царицу, и разбежались по своим делам. Гробулия же отправилась к себе, с тревогой поглядывая на запястье.

– Ну уж нет! – одними губами прошептала она, стараясь, чтобы браслет не засек ее мысли. – Если я останусь в комнате, то лишь до второго караула. Понятно тебе?

Она ждала какой-то реакции, например, новой боли, но ее не было, и Гробулия слегка успокоилась.

«Ерунда… – подумала Склеппи, закрывая за собой дверь своей комнаты и отсылая служанку. – Это, конечно, предупреждение, но не очень строгое… М-м-м… назовем его просто советом. Можно ему следовать, а можно… хорошенько подумать. Как звучало предупреждение? «Не встречайся сегодня с принцем». Так? Так! А после двенадцати ночи – это уже завтра! Ну-с, что вы на это скажете?»

Браслет молчал. Склеппи довольно улыбнулась.

Неожиданно длинная шаткая тень, похожая на две склеившиеся запятые, скользнула по кровати магшала Рокка и остановилась на лице Гробулии. Склеппи кинулась к окну. Прямо напротив окна, раскинув крылья, реял огромный альбатрос с крючковатым клювом. Размах крыльев у альбатроса был колоссальным. На груди белизну его перьев нарушало расплывшееся красное пятно. В той неподвижности, с которой птица повисла у самого окна, было что-то зловещее. На миг взгляд Склеппи и взгляд маленьких, похожих на две черные бусины глаз птицы встретились. Гробулия ощутила глухую безнадежность и тоску. В мире, где царствует магия, ничего не происходит случайно. Случайность – это объяснение для дураков, которые не хотят думать.

– Эй! – окликнула Склеппи охрипшим голосом, пытаясь поднять руку и помахать альбатросу. – Эй! Откуда ты взялся?

Альбатрос продолжал смотреть на нее, точно предупреждая о чем-то. Предостерегая. Он по-прежнему оставался неподвижным. Лишь ветер слегка шевелил его перья.

Дворец Бэра хорошо охранялся. Появление большой птицы не могло остаться незамеченным. На маленьком балкончике справа от окон Склеппи внезапно выросли два арбалетчика. Тренькнула тетива. Появление стрелков потревожило альбатроса. С коротким резким криком он повернулся, еще раз с угрозой взглянул на Склеппи и, скользнув крылом по стеклу, скрылся за башней.

Глава 2

ВСЕ МАГИ ДЕЛАЮТ ЭТО

После военного совета у герцога Дю Билля, на котором решено было нынешним же летом осадить столицу магов Огня Пламмельбург, магшал Дюга Ню Рат вышел из герцогской резиденции очень не в духе. Он был недоволен поставками провианта в армию, состоянием башен и, главное, тем, как проходил рекрутский набор. Бои предстояли жаркие, потери могли быть большими, армия же была далеко не в том блестящем состоянии, как при отце теперешнего герцога.

Молодой Дю Билль так же требовал побед, как его дед и отец, и так же, увлекаясь, брызгал на собеседника кисловатой, с капустным душком слюной, но при этом ничего толком не делал, явно ожидая, что победы сами свалятся к нему в руки. Не принимая личного участия в походах, он отсиживался за неприступными стенами Арапса и охотнее тратил деньги на увеселения, чем на армию.

Боевые магфицеры, жалованье которых регулярно задерживалось, начинали роптать. Это было явно одной из причин, почему армию посылали осаждать сильно укрепленный Пламмельбург, взять который шансов было не больше, чем вычерпать огромный городской ров, куда вливались воды двух рек, дырявым тазом.

Нежить же, которую особыми заклинаниями могли вызывать маги земли – эта великая, но недисциплинированная союзная сила, – еще с зимы необъяснимо отхлынула в Варварские Леса и на Дикие Земли, и на зов являлись лишь разрозненные отряды хмырей и мертвяки. Хмырей маги Пламмельбурга давно научились выжигать драконьим пламенем, мертвяков же отводили от города блуждающими огнями.

Когда Ню Рат появился на площади, там как раз строилась рота недавно набранных рекрутов. Решив взглянуть на рекрутов поближе, магшал круто повернулся и пошел к роте. Его лицо, обезображенное двумя перекрещивающимися шрамами – память об атаке Арапса пикирующей крепостью воздушных магов, – внушало встречным магфицерам такой ужас, что они сразу вытягивались по струнке. Бестолковые новобранцы стали еще бестолковее, почти оглохли и от усердия путали все команды: слишком много им приходилось слышать о магшале Ню Рате такого, что заставляло их сердца замирать.

Ню Рат, морщась, прошел вдоль строя, вглядываясь в новобранцев, очень тощих или очень расплывшихся. Правда, были среди них и вполне нормальные, но мало, слишком мало…

– И это пополнение, я спрашиваю? Это новый призыв великой армии Арапса? Тут одни старики и сосунки! И с этим вы думаете воевать? – закричал он на долговязого магтенанта, который от ужаса застыл сусликом.

– Почему вы молчите? Я спрашиваю: как вы думаете с этим воевать? – не дождавшись ответа, рявкнул магшал.

На лице магтенанта было написано, что он вообще не думает: он умирал от ужаса.

– Жалкий сброд! На какой помойке вы набрали таких дохляков? Не будь я маг земли, если не закопаю к вечеру всех, кто отвечает за призыв! – рявкнул магшал Ню Рат.

Челюсть у магтенанта отвисла. Отвернувшись от него, кипящий от раздражения Ню Рат вновь шагнул к новобранцам и закричал на левофлангового:

– Выше голову! Как ты держишь секиру, осел? Это боевая секира, а не веер! А ну, дай ее сюда!

Растерявшийся новобранец протянул магшалу секиру и тотчас едва не рухнул от ужаса, поняв, что допустил роковую ошибку. Долговязый магтенант, понявший это двумя секундами раньше, застонал.

– ЧТО? – заревел магшал, швыряя секиру на землю. – Устава не знаешь? Ты не должен был выпускать оружие из рук ни при каких обстоятельствах!.. Даже если бы ее попросил у тебя сам герцог! Магтенант!.. Чему вы учите солдат? Солдату палок, а этого мерзавца на гауптвахту!..

Испуганного магтенанта подхватили под локти и увели. Он не сопротивлялся, только подволакивал ноги.

Магшал Ню Рат пошел вдоль строя. Неожиданно его кипящий взгляд уперся в здоровенного новобранца, мощное тело которого распирало форму магов земли, а ноги стояли на земле так твердо, словно были дубовыми корнями.

– Солдат! Шаг вперед!

Новобранец размашисто шагнул вперед, оказавшись рядом с магшалом, которого он был выше на три головы. Вид у новобранца был бравый. Штатная армейская секира в его руке казалась игрушечной. Дюга Ню Рат почувствовал,

что новобранец его ничуть не боится, и довольно хмыкнул. Он любил таких солдат.

– Как тебя зовут? – Голос Ню Рата потеплел на три сотых градуса.

– Рядовой Гуннио, мой магшал! – выпалил тот так громко, что Дюга чуть не оглох. К тому же рядовой Гуннио от усердия обрызгал его слюной.

– Хм… Рядовой Гуннио. Неплохо. Вижу, с легкими у тебя все в порядке. Давно ты призван?

– Десять дней назад, мой магшал!

– Тебе нравится в армии?

– Так точно!

Дюга Ню Рат кивнул.

– Вижу, что нравится. Откуда ты, Гуннио?

– Не могу знать! – выпалил новобранец так же оглушительно.

Магшал нахмурился. Ответ ему не понравился. Он терпеть не мог немогузнаек.

– ЧТО? Как это понимать? Откуда же ты взялся?

– Мне сказали, что я был на дороге, – не смущаясь, отвечал рядовой Гуннио.

– На какой еще дороге?

– На дороге в Арапс, мой магшал!

– И что ты делал на дороге в Арапс?

– Просто стоял и глазел по сторонам.

– И это все?

– Все.

Дюга Ню Рат ощутил, что начинает злиться. Одно из двух. Или этот бравый рекрут идиот, или он смеется над ним. При одной мысли об этом магшал побагровел.

– Значит, не можешь знать? Как это ты не можешь знать, откуда ты пришел?

– Не могу знать, как не могу знать! Просто не могу знать! – отчеканил Гуннио.

Заподозрив шутку, маршал с подозрением заглянул в маленькие глазки Гуннио, но они были так оловянно-бессмысленны и одновременно таращились с такой преданностью, что он успокоился. Пройдя долгий путь от рядового до магшала, он научился неплохо разбираться в солдатах. Нет, мысль об измене просто не могла забрести в огромную, как у циклопа, голову новобранца, не заблудившись в ее закоулках.

Дюга нетерпеливо обернулся. Подскочивший магъютант, знавший все, что возможно, и три четверти того, что невозможно, услужливо наклонился к его уху. Это был очень осторожный и очень деятельный карьерист, который даже от родной матери на всякий случай скрывал свое теперешнее продвижение и лишь изредка в письмах в провинцию неопределенно упоминал, что разбирает в штабе бумажки и только надеется на внимание начальства. Звали его Брод фон Бутер.

– Ну и?.. – спросил Ню Рат.

– Мне рассказывали об этом случае, мой магшал… История примечательная. Этот парень просто стоял на дороге как столб. Не помнил даже своего имени. Должно быть, кто-то из проезжих магов стер парню память. Это было около года назад. Его хотели бросить в тюрьму, мало ли кто он и зачем идет в город, но, к счастью, повели через площадь. Там его узнали. Это сын кузнеца Гуннио. Его отец давно умер. Целый год парень прошлялся без дела, а недавно добровольно явился на

призывной пункт.

– Доброволец? Редкий случай в наши магцифистские времена. Ты мне нравишься, рядовой Гуннио! Я вижу, ты не пораженец и не любишь рассуждать!

– Так точно, мой магшал!

Дюга Ню Рат проследовал было дальше, но ощутил, что должен сказать еще что-то.

– Э-э-э… Гуннио! – сказал он голосом, подтаявшим до того градуса, когда вечный лед начинает превращаться просто в ледяную воду. – Заруби себе на носу то, что я тебе скажу. Будешь плохо сражаться – тебя живым закопают в землю! Будешь биться как лев, получишь повышение уже в эту летнюю кампанию! Ты доволен?

– Так точно, мой магшал! – гаркнул рядовой.

Магъютант ревниво посмотрел на Гуннио. Впервые за последние годы магшал Ню Рат проявил хоть какую-то человечность. Этого громадного парня следовало запомнить и не терять из виду.

Неожиданно на площади появился гвардейский караул, направлявшийся сменить стражу у государственной канцелярии – бравый магфицер в белом кителе, украшенном боевыми медальонами, и двое солдат в светло-голубых мундирах с орлиными крыльями, которые крепились к лопаткам. Магфицер с явным вызовом провел караул мимо магшала. Солдаты чеканили шаг. Хотя они смотрели точно вперед, на здание ратуши и никак не на новобранцев, Ню Рат читал их мысли так же ясно, как если бы был телепатом. В четком и едином звуке сапог гвардейцев, с равной силой ударявших в брусчатку, было откровенное презрение к штатскому сброду, кое-как поставленному в строй и неумело вцепившемуся в боевые секиры.

Гвардия подчинялась не магшалу, а лично герцогу Дю Биллю. Единственные во всей армии, гвардейцы вовремя получали жалованье, со вкусом прожигали жизнь и оставались в столице даже теперь, когда вся прочая армия отправлялась под Пламмельбург.

Ню Рат знал, что сегодня вечером, когда караул сменится, в казармах гвардии обязательно прозвучит: «Видели бы вы это пополнение! Эти армейцы призывают всякую шушеру, которая сгодится разве что на корм неприятельским драконам! Бедный старина Ню Рат! Каково ему командовать такой армией! Правда, наш Дюга далеко уже не тот, что был раньше… Сдает старик!»

Для вспыльчивого и мнительного магшала такая мысль была хуже пощечины.

– Эй вы, сударь! – вдруг рявкнул Ню Рат, обращаясь к магфицеру, ведущему гвардейский караул. – Вы, вы!

Магфицер четко повернулся и остановил своих солдат. Он был лет тридцати, плечистый и уверенный в себе. Хотя команда последовала неожиданно, оба его солдата замерли, как изваяния. Магъютант прикусил губу. Он надеялся все же, что они ошибутся.

– Подите сюда! – приказал магшал магфицеру.

Тот без страха приблизился.

– Представьтесь!

Магфицер чуть поднял брови с вежливым, но одновременно презрительным выражением. Однако голос его звучал вполне почтительно и без удивления:

– Матт Рац! Магпитан гвардии Арапса, магшал!

Магъютант позеленел. Уже в том, как это было произнесено, содержался вызов. Магфицер сказал «магшал», вместо «мой магшал», как предписывалось уставом. «Опять эта гвардия! Что-то будет!» – подумал он, пытаясь сообразить, какие формы примет гнев вспыльчивого Ню Рата.

– Матт Рац? Хм… Знакомое имя. Вы из знатного рода? – сдерживаясь, продолжал Дюга.

– Нет, магшал. Мой род может похвалиться древностью, но никак не знатностью.

– Тогда почему я о вас слышал?

– Должно быть, вы присутствовали на состязаниях по боевой магии. Мне посчастливилось одержать несколько небольших побед, – пояснил магфицер.

Теперь Ню Рат вспомнил и прикусил губу. Перед ним стоял один из лучших боевых магов Арапса. Если не лучший.

– Забавно… У кого вы учились драться? – протянул он.

– У Аянта Одноглазого! – не без гордости произнес магфицер.

Дюга Ню Рат хмыкнул:

– У Аянта? Я знал его. Когда-то Аянт муштровал у меня солдат, но я вышвырнул его после того, как он устроил магладиаторские бои в походном лагере. В походе я предпочитаю, чтобы моих солдат убивал враг, а не они сами резали бы друг друга…

– Потери не так велики, магшал. Гораздо больше солдат умирает от запуков и вирусной магии. Магладиаторские же бои повышают боевой дух! – возразил Матт Рац.

– Или опускают его ниже ватерлинии. Не все умеют драться так, как магладиаторы. И как Аянт оценивал ваши способности?

– Мне стыдно признаться, магшал. Он оценивал их незаслуженно высоко.

– Еще бы! Где ему было разобраться – единственным-то глазом! – произнес магшал Дюга.

Матт Рац моргнул, однако сдержал себя и лишь поклонился.

– Простите, Рац! Я, кажется, развеял ваши девичьи иллюзии. Будет ли мне позволено поинтересоваться, что великий Матт думает о нашем новом призыве?.. – колко спросил Ню Рат.

– Простите, магшал?

– Вы считаете, что это сброд, не так ли? Что здесь нет никого, кто сгодился бы для гвардии, а для армии, мол, и эти сойдут? Не все ли равно, чем руководить старине Дюга?

– Я этого не говорил, магшал! – возразил Матт Рац, однако при этом слегка смутился.

– В чем-то я с вами согласен, – продолжал магшал, делая вид, что ничего не заметил. – Это просто деревенщина. Необученная деревенщина. Неплохо бы посмотреть, на что она способна… Хм… Вот что я подумал. Вы не поможете мне испытать их, Рац?

– Испытать? Каким образом, магшал?

– Вы же хорошо деретесь, не так ли? Как насчет небольших магических боев прямо здесь и сейчас? Для поднятия боевого духа? Это же ваши слова, не так ли? – небрежно сказал магшал.

Магъютант едва не подпрыгнул от восторга. Он восхищался Ню Ратом. Старый солдафон оказался отличным психологом. Он буквально загнал гвардейского красавчика в угол, заставив его драться с новобранцами. Отказаться невозможно – скажут, струсил. Принять же вызов тоже скверно, причем независимо от результата. Гвардейский красавчик победит – прекрасно. Много ли чести опытному боевому магу расшвырять несколько новичков? Магшала же никто не осудит. Он лишь показывает молодым солдатам, что такое боевая магия. Ну и отлично! Не для этого ли их призвали в армию Арапса?

Судя по тому, как пожелтело его лицо, Матт Рац прекрасно осознавал всю сложность своего положения, вот только выхода у него все равно не было.

– Вы согласны, Рац?

– Да, мой магшал! Но моя форма… Вы мне предоставите возможность переодеться для боя?

«Ага, уже «мой магшал»! Зауважал! Старикан-то гений!» – мысленно восхитился магъютант.

– Переодеться? Уж не хотите ли вы сказать, что форма гвардии годится только для парадов? Или все ваши победы – результат хитрых магладиаторских приспособлений?

– Нет, мой магшал! – с негодованием воскликнул магфицер.

– Тогда сражайтесь в том, во что вас обрядили. Надеюсь, новобранцы – ха-ха! – не пооткусывают ваши хорошенькие медальоны…

Дюга Ню Рат повернулся к строю:

– Эй, парни! Видите этого гвардейца? Это один из лучших боевых магов Арапса! Тому, кто его одолеет, трехдневный отдых от муштры и пять серебряных монет! Добровольцы, шаг вперед!.. Не вижу рвения! Зарубите себе на носу: если добровольцев не будет, я сгною всех на плацу! Вы у меня подохнете, изучая двойной проворот секиры!..

Похоже, магшал Ню Рат обладал немалым даром убеждения, потому что на этот раз вперед шагнули сразу трое. Двое были здоровенные деревенские ребята, имевшие привычку перед хорошей дракой пошептать на кулак и оглушавшие ударом в лоб быка. Третий же с виду был явный разбойник, случайно угодивший в рекруты во время очередной вылазки в город. Маленький, сухой и невзрачный, он был знаком, должно быть, с массой уловок и коварных ударов, иначе вряд ли бросил бы вызов гвардейцу.

Однако на магпитана Матт Раца они не произвели впечатления. Он даже отстегнул ножны и вручил свой меч одному из сопровождавших его солдат.

– Я буду драться один против троих. Голыми руками! Ваши люди, магшал, могут использовать что угодно. Хоть секиры! – высокомерно проронил он.

«Ага! А малый-то не промах! Пытается повернуть дело так, чтобы говорили, будто на одного безоружного гвардейца магшал напустил нескольких своих. А там еще подхалимы герцога распустят слух, что это были не новобранцы, а

лучшие, особо подготовленные бойцы, которых нарочно выдали за новобранцев», – быстро прикинул подозрительный Брод фон Бутер.

Но магшал не увидел здесь подвоха. Он лишь небрежно кивнул и громко приказал новобранцам:

– Атаковать его! Живо!

Деревенские парни заговорили кулаки и, поглядывая друг на друга, стали обходить магпитана справа и слева. Бывший разбойник как бы невзначай попытался зайти со спины, при этом с таким невинным видом, будто он был просто продавец канареек, случайно оказавшийся на площади.

Несколько секунд прошли относительно спокойно. Парни осторожно приближались, а магладиатор лишь переводил глаза с одного на другого, оценивая расстояние. Его лицо оставалось совершенно спокойным и даже отрешенным. Внезапно солдаты разом рванулись вперед, и тут… тут что-то произошло.

Магшал мог под присягой поклясться, что гвардеец даже не сдвинулся с места, а один из двух нападающих – тот, что подходил справа, – рухнул на брусчатку и уже не встал. Остальные двое испуганно отшатнулись. Магшал Дюга вопросительно покосился на магъютанта.

– Темпоральная вертушка… Перенесение во времени в предыдущую секунду! Противник получает удар или несколько ударов, так и не успев ничего понять, – пояснил Брод фон Бутер.

– Откуда ты знаешь, Брод? Ты что, делаешь ставки на магладиаторов? – с подозрением спросил Ню Рат.

– Ни в коем случае! Просто я обязан все знать. Это мой служебный долг.

– Служебный? Ну-ну… – хмыкнул магшал. – Будь осторожен, Бутер! Я знал кучу примеров, когда служебный долг превращался в зауряднейшие долги!

Не дожидаясь, пока его постигнет та же участь, второй новобранец кинулся на магпитана и осыпал его градом ударов. И снова гвардеец поразил магшала. Он не сделал ни малейшей попытки защититься. Просто стоял и принимал удары. Войдя в раж, ободренный парень продолжал колотить его. Заговоренные кулаки, способные выбить даже камень из стены, обрушивались на него, метя в самые уязвимые места. Все удары как будто проходили, однако почему-то не причиняли боевому магу вреда.

Полминуты спустя запыхавшийся парень перестал наносить бесполезные удары и вопросительно покосился на магшала. И именно в эту секунду чья-то рука опустилась новобранцу на плечо. Он повернулся и тотчас короткий и мощный удар бросил его на камни.

Матт Рац, возникший словно из ниоткуда, ухмыльнулся и щелчком пальцев уничтожил своего двойника.

– Пространственный дубль с одновременным затуманиванием сознания. Я так сразу и подумал. Иначе парень почуял бы подвох и разобрался, что дубасит призрака, – негромко сказал магъютант.

Оставшись с Матт Рацем один на один, бывший разбойник точно проснулся. Сделав несколько обманных движений, он одну руку вытянул в направлении магпитана, отвлекая его внимание, а другой скользнул куда-то за спину. Потом резко выбросил ее – и в гвардейца полетел короткий метательный нож. Он был не один. Еще шесть точно таких же ножей, возникших неведомо откуда, со скоростью молнии помчались в мага из разных точек пространства, замыкая его в кольцо.

– Заклинание семи ножей! Нож с рунами и шесть его двойников, не менее смертоносных! Они сами находят цель! Против них не действуют даже талисманы! – прошептал пораженный Брод фон Бутер.

Контуры боевого мага на мгновение раздвоились, но сразу же собрались воедино. Видно, он сообразил, что это бесполезно. Боевой маг шагнул в сторону. Бесстрастное лицо Матт Раца исказилось. Он бестолково взмахнул руками и нырнул вниз, тщетно надеясь уклониться. Но магические ножи было не обмануть. Они изменили направление полета, а в следующий миг гвардеец был уже утыкан ими, как еж иголками.

Бывший разбойник неторопливо подошел к его телу и выдернул нож. В тот же миг исчезли и остальные шесть. На брусчатке осталось лежать неподвижное тело. На парадном кителе не видно было ни одного пятна крови. Магические ножи убивают бескровно.

– Этот гвардейский выскочка готов… Хотел бы я знать, парень, кто обучил тебя этим бандитским приемам? Солдаты так не дерутся, – с гневом сказал магшал Ню Рат.

– Да, мой магшал! Солдаты так не дерутся! Эти заговоренные ножи скверная штука! – странно улыбаясь, подтвердил разбойник.

Он шагнул к Ню Рату, провел рукой по своему лицу и… в тот же миг напротив пораженного магшала возник Матт Рац, живой и невредимый. На камнях же рядом, где только что лежало тело в парадной форме, вытянулся неподвижный разбойник.

– Клянусь землей, вы живы! – поразился магшал.

– От ножей невозможно уклониться, пока они не получат своей крови. У меня просто не было выхода, – с сожалением глядя на мертвого солдата, пояснил Матт Рац.

– Как это вам удалось уцелеть? – спросил Ню Рат.

– Прием называется «телепортация оборотня». Меняетесь с противником положением тел в пространстве, временно принимая его облик… Если сделать все быстро, можно одурачить даже стрелу, нож или копье, заговоренные всегда попадать в цель, – пояснил Матт Рац.

– Недурно, – пожевав губами, оценил магшал. – Сложно обучить этому солдат?

– Не очень сложно, магшал. Требует четырех часов непрерывных упражнений в день на протяжении семи лет, – с достоинством ответил гвардеец.

– Тогда мои ребята обойдутся без этого. Прилично управляться с секирой можно обучить за три месяца. К тому же я не хочу, чтобы кто-то поменялся обликом со

мной или с герцогом Дю Биллем, – сказал Ню Рат.

Он обернулся к новобранцам и дал им приказ убрать тело. Деревенские парни, кое-как очухавшись, уже заняли место в строю.

– Ну что, сообразили, что армия Арапса – это вам не магсион для магородных магвиц? Еще кто-нибудь хочет попытать судьбу? – гаркнул магшал, раздраженный поражением своих солдат.

Он был убежден, что добровольцев больше не найдется, и едва не чихнул от удивления, когда из строя шагнул рядовой Гуннио.

– Можно мне, мой магшал?

– Тантал тебя возьми, тебе что, жить надоело? – поинтересовался Брод фон Бутер.

– Да разве жить надоест? Просто охота пять монет заработать, – хмыкнул Гуннио.

Матт Рац посмотрел на него с состраданием.

– Отважный щенок! Убить тебя я не убью. А вот руки и ноги переломаю, – сказал он.

– Отчего ж не переломать? Ломайте! На мне все как на собаке заживает, – кивнул рядовой Гуннио.

– Ты мне нравишься, парень, – ухмыльнулся Рац.

– А ты мне нет. Медальки все эти, бабский мундирчик – тьфу! Не люблю я таких конфетных солдатиков! – сказал рядовой Гуннио.

Теперь расхохотался уже магшал Дюга Ню Рат. Матт Рац же побагровел и встал в боевую позицию.

– Ты сам напросился, парень! Начинаем на счет «три»! Раз… два…

Гуннио прищурился. Еще во время предыдущей схватки, когда Рац отутюжил троих новобранцев, он заметил, что перед тем, как исчезнуть в темпоральном прыжке или применить любой другой трюк, магпитан всякий раз окутывался плотным фиолетовым сиянием. Потом точно такое же свечение возникало в той точке пространства, где впоследствии оказывался сам Матт Рац.

Почему-то никто, кроме Гуннио, не замечал этого свечения. Вот тогда у него и мелькнула мысль, что боевой маг не так уж и неуязвим.

– Три! – крикнул Матт Рац.

И вновь Гуннио увидел окутавшее его сияние. Сам магпитан – а точнее, его двойник – остался на месте, но Гуннио заметил, что сияющий фиолетовый кокон внезапно появился по правую руку от него и начал сгущаться. Удивляться такому раздвоению времени уже не было. Философию лучше оставить философам. В драке же думать скорее опасно, чем полезно.

– Гломус вломус! – выкрикнул Гуннио это невесть откуда пришедшее ему на язык заклинание и выбросил чугунный кулак прямо в центр фиолетового свечения. А спустя мгновение зарядил другим кулаком прямо в лоб согнувшемуся от боли Матт Рацу, проявившемуся там же секундой позже. Гвардеец был еще полупрозрачен, но уже вполне материален.

Третьего удара не потребовалось. Магпитан Матт Рац растянулся на брусчатке, бесчувственный как старая колода. Его дублер дрогнул и, поразмыслив немного, превратился в розоватый дым. Гвардейские солдаты кинулись поднимать своего командира и, закинув его руки себе на шею, поволокли в казармы. Ступни магпитана скребли по камням, служа напоминанием о бренности всего сущего. Лишь к вечеру он пришел в себя.

– Этот парень видел меня! Раскусил лучший мой трюк! Никто в Арапсе на такое не способен, – с усилием выговорил он.

Переминаясь с ноги на ногу, рядовой Гуннио ухмылялся, ощущая устремленные на него взгляды. Магшал Ню Рат, прихрамывая, подошел к нему.

– Браво, рядовой! – рявкнул он. – Ты утер нос этим гвардейцам!.. Бутер, выдай ему пять монет! Но как, поглоти меня земля, тебе это удалось?

– Я прикинул, что он возникнет именно здесь. Вроде как он этот фокус уже проделывал разик, так что я просек. Только он, значит, застыл, я кулак и выбросил, – пояснил Гуннио.

– Угадал, значит?

– Чутье у меня на это дело! Частенько драться приходилось, – сказал Гуннио.

У него хватило ума не заикаться про фиолетовое свечение. Не так давно на городской площади он стал свидетелем казни мага, способного видеть ауру.

– Три дня отдыха от муштры! Браво, рядовой!

Когда магшал Ню Рат удалился, Гуннио встал в строй. И сразу, точно давно дожидаясь этой минуты, руку ему просверлила боль. Она была такая, словно запястье пилили тупой пилой, изредка добавляя один-два удара зубилом чуть выше, в лучезапястную кость.

«ТЫ СДЕЛАЛ ОШИБКУ, ГУННИО, ПРОЯВИВ СВОЙ ДАР! ТВОЯ ЖИЗНЬ ВЫКУПЛЕНА ЛИШЬ ПОВИНОВЕНИЕМ. ПОКА ТЫ ПОВИНУЕШЬСЯ МНЕ – ТЫ ЖИВ».

Каждое слово было как обжигающая пощечина, как прикосновение раскаленного утюга к телу. И не только к телу. Сознание тоже сжималось, слабело.

– Что у тебя там такое? Побрякушка, что ли? – спросил у него стоявший рядом в строю Псойко Рыжий, унылый малый с бородавкой на носу, которого кусали все без исключения собаки. Он был продавцом оловянных солдатиков, пока его не угораздило, получив по ошибке чужую повестку, заявиться на призывной пункт, чтобы прояснить недоразумение.

Гуннио очнулся. Осторожно пошевелил рукой. Она действовала. Боль отпустила. На этот раз это было лишь предупреждение.

«ПОКА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, ГУННИО! ДАЛЬШЕ БУДЕТ ХУЖЕ!»

– Ничего, – сказал рядовой Гуннио и быстро сунул руку под панцирь.

Солдаты поглядывали на него с сочувствием. Возможно, думали, что он проверяет, не ранил ли его этот костолом-гвардеец.

Знали бы новобранцы, что делал их кумир рядовой Гуннио на самом деле! Чей синтетический мех гладили и щупали его пальцы, у кого они искали помощи и одобрения. Узнай они это, они подняли бы его на смех, а возможно, просто покрутили бы пальцем у виска. Но, так или иначе, они выразили бы свое крайнее изумление.

– Пап, купи!

– Зачем тебе эта обезьяна? Она же китайская! Нелепая дешевая обезьяна! Китайские игрушки ломаются еще в магазине! Надо покупать нормальные крепкие русские игрушки!

– Ну па-а-ап! Это не обезьяна!

– Как не обезьяна?

– Это медведь, пап!

– Мне не жалко денег! Да ты же его выбросишь через час!

– Па-а-ап, не выброшу! Купи-и-и!

– А я говорю, что выбросишь. Тебе любой пистолет на десять минут. Не тяни меня за руку! Это у мамы ты можешь выпросить Луну.

– Пап, ну пожалуйста! Па-а-аа!

Он тянет папу за руку. Буксирует его, используя всю силу своей четырехлетней руки против одного папиного мизинца. Отцу – грузному, рано начавшему лысеть

человеку, первому забияке среди всех водил и механиков Второго автопарка, это, кажется, нравится. Молодец сын! Здоровая порода, их, гломовская, исконная. Не какие-нибудь там высоколобые сосунки, которых пальцем можно перешибить.

И вот папа уступает. Уступает, разумеется, не сразу, но все же сдается…

– Как ты меня достал! Ну… Э, девушка, покажите нам вон ту обезьяну!

– Это медведь, пап!..

– Сколько с меня?

Медведя засовывают в пакет с названием магазина.

– Спасибо за покупку! – говорят отцу.

– Спасибо не булькает!

Они идут. У отца в руках пиво, у него – медведь, маленький медведь с выпуклыми пуговичными глазами, которого он все время нюхает, хотя медведь пахнет нитками и красителем. И больше ничем. Почему медведь зеленый? Разве бывают зеленые медведи? И… разве можно всю жизнь любить зеленого дешевого медведя?

Но, оказывается, можно… Хотя кто сказал, что мы любим вещи вне воспоминаний о них?

Все это Гуннио, разумеется, не помнил… Разве что иногда во сне мелькало что-то туманное. Но медведя он любил, неопределенно ощущая, что он как-то связан с его прошлым, с его самыми лучшими днями, которые остались где-то позади.

Он не расстался с ним даже тогда, когда, одетый нелепейшим образом – в широченные шорты и майку с пивной эмблемой не существующей в Средневековье компании, – он очутился на пыльной дороге в получасе ходьбы от Арапса. Медведь, глубоко запрятанный в правом кармане шортов и уткнувшийся носом-пуговицей в колоннообразную ногу Гуннио, стал единственной нитью,

которая скрепляла его прошлое и настоящее.

* * *

Шурасино, самый юный магистр воздушной магии за всю историю Борея, был почти на восемьдесят восемь процентов убежден, что с духами эфира лучше не связываться. С другой стороны, никакого другого способа заделать многочисленные щели пикирующей крепости левитационной замазкой из белой глины все равно не существовало, так что он решил рискнуть.

«Я буду осторожен. Не нарушу ни одного из важных правил. Не буду их хвалить, не засну и, когда они явятся за новым заданием, решительно отошлю их в астрал, сколько бы они ни мельтешили», – ободрил он себя.

До сих пор именно третья пикирующая крепость внушала градоправителям вольного города Борея самые серьезные опасения. А все из-за боевой башни, которая получилась слишком массивной и не желала держаться в воздухе, невзирая ни на какие магические ухищрения. А так как без третьей пикирующей крепости, вписанной в стратегический резерв, оборона границ города-государства была уже не такой надежной, юному магистру велели отложить все дела и заняться левитационной замазкой. Обильно помещенная в многочисленные щели башни, замазка на основе заговоренной белой глины должна была придать пикирующей крепости требуемую прыткость и даже склонность к высшему пилотажу. Правда, те, кто видел летающие крепости в действии, все как один сходились во мнении, что о высшем пилотаже говорить приходится с большой натяжкой. В очень и очень переносном смысле.

Приготовление левитационной замазки, кроме знаний, требовало времени и чудовищного упорства, переходящего в патологическое упрямство. Час за часом Шурасино варил разведенную до жидкого состояния глину в огромном котле, в который через необходимые промежутки времени бросал ногти титанов, волчью желчь, толченную в порошок бирюзу, консервированную синь неба, гремучую скуку в брикетах, язвительность горгулии, мозоли мегеры, гуманизм хмыря в таблетках, фаршированный алмаз и прочие невообразимые вещи, до которых так охочи изобретательные маги воздуха. Разумеется, все это активно приперчивалось знаменитыми ямбовыми заклинаниями, получившими широкое распространение в Борее.

Магистром воздушной магии Шурасино, человек новый в этом городе, стал недавно и случайно. Предыдущий магистр, его учитель, был личностью рассеянной и склонной задавать самому себе вопросы следующего рода: «Я сегодня завтракал? А мне понравилось? А где я был вчера вечером?»

Однажды этот рассеянный чародей задумал набрать первой росы для какого-то зелья, но упустил из виду, что Борей в это время суток обычно находится в полутора километрах над Скалистым Хребтом. Стража у ворот отсутствовала, сами ворота были по небрежности открыты, и никто не помешал магистру совершить свой последний в жизни затяжной прыжок. Возможно, он успел бы еще произнести левитационное заклинание, ибо магам воздушной стихии не нужны метлы или пылесосы, но его энергетический амулет оказался почти разряжен, а крылатые сандалии, промоченные вчера в крокодиловых слезах, были на просушке и меланхолично трепетали крылышками, пришпиленные прищепками к веревке в Облачной Лаборатории.

В результате Шурасино, как самый способный ученик магистра, получил его прежнюю должность, его амулет и несколько тысяч полотняных мешочков, составлявших все магические запасы его предшественника. При осмотре обнаружилось, что в треть мешочков по рассеянности насыпано совсем не то, что значилось на ярлычке, содержимое же оставшихся двух третей основательно заплесневело. Амулет Шурасино поспешил зарядить, от подозрительных же мешочков по возможности избавился, вытряхнув их прямо в окошко Облачной Лаборатории.

Левитационная замазка пока была самым ответственным заданием юного мага, и он, разумеется, из кожи вон лез, чтобы все получилось. К концу вторых суток работы, когда Шурасино держался на ногах в основном потому, что упасть в колоссальных размеров кипящий котел, над которым он ходил по широкой доске, было бы гораздо менее мудро, белая глина перестала бурлить и загустела. Котел окутался ровным сиреневым сиянием. Пар от выкипающей воды, прежде ведущий себя как самый обычный пар, стал складываться в руны.

И вот тогда-то Шурасино понял, что левитационная замазка вот-вот отвердеет и нужно срочно вызывать духов эфира. Он зажал в руке большой амулет с двумя крупными опалами и произнес заклинание:

– Эфирус дельфиум тульсиит наркози!

И вот тогда-то и начались главные неприятности.

Духи появились сразу. Это были маленькие, пухлые, очень бойкие существа, точно вылепленные наспех из кучевых облаков. Их круглые мягкие лица не имели ни формы, ни индивидуальности и принимали черты того, кто их вызвал. Вот и теперь вокруг Шурасино кружились несколько десятков его миниатюрных копий. И не в первый уже раз он поймал себя на мысли, что крайне недоволен собственной внешностью. Нос казался ему слишком длинным, лоб чрезмерно широким, а подбородок, напротив, маленьким и незначительным.

Духи эфира носились вокруг Шурасино с нарастающим раздражением. Их позаимствованные у него же острые комариные носики фехтовальными выпадами пронзали пространство. Юный магистр спохватился, что еще немного – и нетерпеливые духи столкнут его в котел. Эфирники имели репутацию потусторонних существ, которых нельзя было вызывать просто так, не имея для них сложного поручения. Последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

– Эй вы, бездельники! Взяли котел и марш замазывать башню третьей пикирующей крепости! Чтоб ни одной щели не осталось! А потом вернетесь сюда! – велел Шурасино, заранее зная, что будет ругаться даже в том случае, если духи эфира сделают все первосортно.

Хвалить духов эфира было строго запрещено. У того, кто имел бы глупость это сделать, они немедленно потребовали бы вознаграждения, весьма экзотического, скажем, в виде его последнего дыхания. Причем отказались бы ждать до старости и получили бы его немедленно. С терпением у них всегда было неважно.

Едва услышав приказ, духи эфира подхватили тяжелый котел и умчались. Шурасино еле-еле успел спрыгнуть с доски.

«Теперь главное не спать и не прозевать, когда они вернутся!» – напомнил себе Шурасино, зевая и барахтаясь в цепких объятиях соблазна. Он отлично знал, чем это чревато, если он сейчас заснет.

Молодой магистр сел за низенький мраморный столик и, переставляя резные фигуры, стал играть сам с собой в шахматы – любимую игру всех волшебников. Правда, это были особые шахматы. Фигуры здесь ходили по собственной воле,

не дожидаясь своей очереди и лишь прислушиваясь к пожеланиям Шурасино, но далеко не всегда следуя им. Да и противоборствующих сторон тут было не две, а четыре.

Вот фиолетовые, мощные, приземистые, точно ушедшие в доску фигуры – маги земли со столицей в Арапсе. А вот и их изнеженный повелитель – последний герцог Дю Билль. Точная копия настоящего герцога в громадном кружевном воротнике и куцем костюмчике с крупными изумрудами. Вот только сам он не больше чайной ложки… С другой стороны доски маги огня из Пламмельбурга – Бэр III, царица Нуи, их варварские легионы с огненными мечами и огнедышащие, подвижные, точно отлитые из ртути драконы… Вот Царство Воды со слонами-кентаврами и водными ящерами, а вот воздушные маги Борея, пешки которых висят в воздухе, точно пикирующие крепости.

Когда-то на месте Четырех Царств существовала единая могущественная империя, однако теперь разрозненные ее части с увлечением отгрызали друг у друга земли, области и даже отдельные деревеньки, порой заключая кратковременные союзы и перемирия. Огонь с землей против воды и воздуха, земля против воздуха и воды, огонь против всех и огонь в союзе с водой… Дикие и несочетаемые комбинации для астрала, но вполне реальные в обыденной жизни царств. Тщетно маги прибегали к своим стихиям и разрабатывали все новые цепочки грозных заклинаний. Ни одно не имело достаточно сил, чтобы покорить остальные три и вновь собрать империю.

Вот и теперь Шурасино не без интереса наблюдал, как драконы водного царства косят кипящими струями и гремучим паром пешки магов земли, не замечая, что синие у них за спиной незаметно договорились с белыми и к драконам вкрадчиво подбирается белая королева – сам великий и непобедимый воздушный град Борей…

«А, вот оно как! Я почему-то так и полагал, что мы вступим в союз с магами Арапса!» – зевая, подумал Шурасино.

Внезапно за громадным витражным стеклом – в Царстве Воздуха обожали витражи – что-то мелькнуло. Шурасино готов был поклясться, что это силуэт огромной белой птицы с раскинутыми крыльями, стремительно упавшей на Борей сверху. В следующий миг витраж разлетелся вдребезги. На полу среди осколков стекла застыл большой краб. Шурасино посмотрел вначале на него, а затем вновь уставился в окно. Птица исчезла. Шурасино осторожно присел

рядом с крабом на корточки и потрогал его пальцем. Краб не шевелился. Но он не был мертв. Не может быть мертвым тот, кто никогда не был живым.

«Странное развлечение у птички! Разбивать стекла крабами с мелкими бриллиантами на клешнях и рубиновыми глазами», – подумал Шурасино и подозрительно покосился на свой амулет. Обычно тот чутко подмечал малейшие изменения магического поля. Однако теперь украшавшие его опалы оставались тусклыми. Подняв краба, Шурасино оглядел его со всех сторон. Клейма мастера ни на животе, ни на спине он не обнаружил. Однако к мастерским Борея это изделие точно не имело никакого отношения.

«Работа кузнецов Пламмельбурга? Едва ли – маги огня любят вязь и яркие краски. Скорее уж я поверю, что это из Арапса», – подумал Шурасино. Но все же и это оставалось под сомнением.

Ощупывая краба, Шурасино не заметил, как нажал скрытую пружину. Панцирь отошел в сторону. Внутри оказалась золотая пластина с одной-единственной руной. Шурасино, отлично знавший руническое письмо, узнал ее. Это была руна зловещего сна. От руны оторвался, завис в воздухе, а затем потек к Шурасино огненный знак. Амулет предупреждающе замерцал, опалы точно затянулись изнутри белой дымкой, но это ничего уже не могло изменить. Руна зловещего сна всегда находит того, кому она послана.

Слишком поздно молодой магистр осознал свою ошибку. Проверяя на магию самого краба, он не додумался, что его панцирь – лишь оболочка, задача которой скрыть то, что внутри…

Мгновение спустя знак коснулся его лба, и Шурасино, опрокинув столик с шахматами, заснул на полу среди рассыпавшихся фигур. Белые фигуры магов воздуха тотчас окружили его, взяв в защитное кольцо. Фигуры же огня, земли и воды, выпустив в Шурасино издали несколько стрел, уколов которых он даже не ощутил, разбрелись по Облачной Лаборатории, продолжая войну и мародерствуя. Так, маги воды с большими потерями взяли приступом сброшенную туфлю Шурасино, в которой уже засели маги Арапса, а маги огня неожиданной вылазкой, пустив вперед драконов, захватили блюдо с горохом.

Шурасино, застигнутый коварной руной, делал то единственное, чего сейчас делать было никак нельзя – СПАЛ. Спал и видел в сонном мороке, что к нему

подбирается некто, лишенный физической сущности, чье астральное тело подобно склизкому кокону, сплетенному из четырех потоков энергии, внутри которого копошится нечто. Кокон втянул в себя Шурасино, и он, слившийся с чем-то, опутанный с ним едиными венами и артериями, ощутил, что не может вырваться. А кокон уже стягивался, и вместе с ним сжималось и сокращалось собственное «я» юного магистра.

«Я БЫЛ ОБМАНУТ. ТЫ МОЕ ОРУДИЕ. ТЫ ПОМОЖЕШЬ МНЕ ОТОМСТИТЬ», – услышал он голос, пульсирующий в его висках тупой болью.

– Нет!

«ДА, ШУРАСИНО, ДА! ИЛИ Я УНИЧТОЖУ ТЕБЯ. МНЕ НИЧЕГО НЕ СТОИТ ЭТО СДЕЛАТЬ».

От его личности осталось не больше, чем одна крошечная мерцающая искорка, состоящая только из «я», которое даже не понимает, кто и что оно такое, не знает имени, не имеет памяти, а лишь понимает, что оно «я», существующее отдельно от остального мира, некая самостоятельная его часть, непонятно где, почему и с какой целью возникшая.

«Я – это я… Я – это я! Я! Я!» – повторял Шурасино.

«ТЫ – ОДИН ИЗ ШЕСТИ ПРИЗВАННЫХ!»

«Нет, я – это я!» – крикнул Шурасино что было сил, крикнул мысленно, потому что не имел уже тела и рта.

«ЖДИ! СКОРО ВСЕ В ТВОЕЙ ЖИЗНИ ИЗМЕНИТСЯ!»

Кокон сжался и растаял. Шурасино же остался один в своем сне, постепенно обретая прежние границы своего «я». Его жуткий и вещий сон становился просто цветным и бестолковым человеческим сном. Снилось ему… сложно даже сказать что… какая-то ерунда, что он не Шурасино, самый юный и талантливый маг Борея, а кто-то еще. Мелькали образы, тени, страшные лица, окончательно сбивая молодого магистра с толку.

«Нет, снова не то!» – беспомощно подумал Шурасино, смутно зная, что у него есть в запасе другой, сокровенный сон, постоянный, как само постоянство.

И чудо свершилось. Тот далекий чудный сон пришел…

Синий фломастер мягко скользит по бумаге, послушно вычерчивая зигзаги. Это не буквы, которых он еще не знает, не рисунки – просто зигзаги. Ему они представляются чем-то исключительно важным. От фломастера пахнет папиным одеколоном. Он сам налил его внутрь, когда полчаса назад ему показалось, что тот стал бледнеть. Теперь фломастер рисует жирно, жадно, даже мажет, однако к вечеру он высохнет. Век фломастеров, в которые добавлен одеколон, краток, но ярок…

Голоса – далекие, пробивающиеся точно сквозь пелену.

– Смотри, наш Шурочка опять что-то рисует в своем блокноте! – с умилением говорит женский голос.

Другой голос, мужской:

– Лучше бы на улице погулял или разломал что-нибудь… Никогда не видел его с игрушками. Всех дичится… Я в его годы…

– Но это же наш Шурочка!

На маму поднимаются укоризненные глаза.

– Я не Шурочка, я мальчик!

– Мальчик, конечно, мальчик!

Страница перелистывается, и вновь мудреные зигзаги. За несколько дней он успевает исписать толстый трехсотстраничный блокнот… Внезапно стержень фломастера безнадежно проваливается внутрь. Должно быть, нажал слишком сильно. На бумагу падают слезы. Жалко не фломастера – а того, что нельзя больше рисовать зигзаги.

Отец нашаривает что-то в кармане своего строгого костюма – он только что пришел – и склоняется над ним. Снова запах одеколона.

– Держи! Только не плачь!

Что-то холодное, продолговатое скользит в руку. Он еще не понимает, что это. Даже хочет бросить.

– Ты что? Дарить трехлетнему ребенку ручку «Паркер», да еще чернильную! Он же поломает!

– Ничего, ему она нужнее, чем мне. Я всю жизнь мечтал о чем-то особенном, а что в результате? Оформляю кредиты, даже разучился мечтать о большем. Возможно, ему повезет чуть сильнее. Я даже знаю, что повезет, – говорит отец.

Шурасик осторожно проводит по бумаге черту. Пишет! Ручка «Паркер» – дорогая, блестящая – вычерчивает непонятные зигзаги. Ощущение счастья переполняет его и протягивается через годы, как спасительная рука.

Не просыпаясь, магистр Борея сладко вздыхает во сне и нашаривает ручку – ту самую ручку «Паркер», которая висит на шее рядом с энергетическим амулетом. Скоро он очнется и забудет сон, но ручка останется с ним и будет поддерживать его в трудную минуту…

Шурасино становится холодно, и это чувство, простое, как табурет, и надежное, как холодная вода, заставляет его очнуться. Юный магистр рывком садится. Он сидит на полу, среди осколков стекла и рассыпанных шахматных фигур. Краб с руной зловещего сна куда-то запропастился. Шурасино вспоминает о нем, но как-то смутно. Если бы не разбитое стекло, он бы решил, что краб – это лишь первая ступенька его сна.

Бросив взгляд на дверь, Шурасино обнаруживает, что в замораживающую ловушку, которую он установил несколько дней назад, просто ради любопытства испытывая новое заклинание, угодил длиннобородый государственный гонец в крылатых сандалиях. И это еще не все. Будто недостаточно других неприятностей, на залитом солнцем квадрате у окна, перевернутый и расплющенный, валяется вчерашний котел. Замазки в нем уже нет. Шурасино соображает, что духи эфира закончили работу, а он мало того, что не отругал их,

еще и не произнес магического напутствия, которое должно было поумерить пыл этих не в меру деятельных существ.

«И где они теперь? Ну я и попал», – мрачно подумал Шурасино.

Но пора было вспомнить и о гонце, который замер у дверей ледяным истуканчиком. Шурасино быстро взвесил все «за» и «против». Конечно, заморозить гонца было большой ошибкой и вообще дурным тоном. За это по головке не погладят. С другой стороны, гонец скорее всего угодил в ловушку прежде, чем увидел юного магистра спящим, а раз так, то вполне можно разыграть карту «я сгораю на работе, у меня нервы ни к черту, а всякие там вламываются без стука…».

Кое-как разморозив гонца и выслушав вагон колкостей, Шурасино выяснил, что длиннобородого послали градоправители Борея с приказом срочно явиться к ним. Юный магистр поспешно надел парадную мантию и такие же, как у гонца, крылатые сандалии, нацепил пышный, обсыпанный пудрой парик, который полагалось надевать во всех торжественных случаях, и полетел в ратушу, сочиняя на ходу оправдание, в меру простое и одновременно незаезженное, чтобы показаться правдоподобным.

Он проносился по извилистым улочкам, где торговцы с низинных земель выкладывали ковры-самолеты и знаменитые рунные мечи Борея, которые струей воздуха разрубали большинство заговоренных лат.

Все это означало, что летающий город Борей с рассветом опустился на одну из своих основных торговых стоянок, семь дюжин которых были рассеяны по всей территории бывшей империи. Борей был единственным городом-государством на континенте, не имевшим определенных границ. То, что могло считаться его границами, перемещалось вместе с ним, составляя несколько десятков километров вокруг Борея, которые, во избежание внезапного нападения, постоянно патрулировались пикирующими крепостями.

Пролетая у стены, Шурасино заглянул вниз – туда, где за подъемным мостом на каменном молу были пришвартованы пикирующие крепости резерва. Правда, теперь их было лишь две. Третья пикирующая крепость, которую Шурасино легко узнал бы по огромной непропорциональной башне, куда-то исчезла. Юный магистр просиял. Это внушило ему надежду, что его левитационная замазка

оказалась действенной. В конце концов, Борей теперь благополучно помещался на перекрестке двух самых оживленных торговых путей. У его восточных ворот ревели груженные тюками верблюды торговцев с юга, к западным же воротам то и дело подлетали боевые драконы варваров, всегда прикрывавшие их караваны с воздуха и спасавшие их от атак магов огня и земли, а также от разбойничавшей вдоль больших дорог нежити.

Кое-где среди верблюдов и их шумных погонщиков в белых бурнусах попадались и кентавры с суровыми медными лицами, нередко служившие купцам проводниками. Они были вооружены луками и тяжелыми суковатыми палицами. На широких спинах у некоторых висели круглые берестяные футляры с боевыми дротами.

Шурасино повернул к ратуше. Решив, что облетать длинную ратушу вокруг, чтобы воспользоваться единственным входом, будет слишком долго, он нырнул в первое попавшееся открытое окно, запоздало сообразив, что это и есть зал совещаний градоправителей.

Вольный город Борей – единственный из четырех крупных центров бывшей Великой Империи – потому и оставался вольным, что с последовательным упорством сопротивлялся власти многочисленных князьков и царей с их сильными отрядами боевых магов. Достигалось это прежде всего отказом от единовластия. Ни один градоправитель не мог занимать своей должности больше трех лет, самих же градоправителей ни при каком условии не могло быть меньше двух. Причем подбирались они обычно таким образом, чтобы их обоюдная вражда была возможно более сильной.

Вот и теперь у кормила государственной власти в Борее стояли Вотон и Пустеллий, которые просто терпеть друг друга не могли. Вотон был вспыльчивый как порох маг-аристократ с воинственно вздернутыми усами. Даже в мирное время он ходил в панцире из морозного арктического воздуха и с длинным мечом на перевязи, который любил вытаскивать на торжественных парадах, пирушках с армейским руководством, а также при посвящении отличившихся воинов в магцари.

Рядом с таким соправителем глава купеческих гильдий Пустеллий казался толстым, рыхлым и вялым. Он и ходил вперевалку, и говорил с тягучим южным акцентом, оживляясь лишь в предчувствии хорошего обеда. При всем при этом пухлые ручки Пустеллия ухитрялись держать административную власть в

городе и казначейство так крепко, что когда Вотону требовалось провести смотр войскам или оснастить армию новыми пиками, то он долго, очень долго фыркал и шевелил усами, прежде чем набирался мужества обратиться к соправителю за деньгами.

Едва Шурасино оказался внутри ратуши, как оба дожидающихся его градоправителя укоризненно уставились на юного мага. Пустеллий перестал томно поглощать финики из блюда, а Вотон пощелкивать себя хлыстом по начищенному до блеска сапогу.

– Клянусь воздухом, я никогда не видел такой наглости! Где вы пропадали, магистр? Гонец был послан два часа назад! – грозно спросил Вотон.

Шурасино захотелось провалиться под землю, но вместо этого он поправил мантию и прокашлялся.

– Я его заморозил! – ответил он небрежно.

Правители Борея переглянулись.

– Заморозили нашего гонца? Да как вы посмели? – рассвирепел Вотон.

– Во имя государственных интересов! Прошу прощения, магспода! – сказал Шурасино, разводя руками. – Я разделяю ваши чувства, но вам лучше моего известно, что такое заклинание семнадцати духов.

– Ага. Известно. Нам все известно… И… э-э… что же это такое? – проблеял Пустеллий.

– Формально выражаясь, заклинание семнадцати духов – это целая цепочка заклинаний. Вначале вы вызываете первого духа, затем второго, затем третьего… – постепенно сползая на лекторскую интонацию, начал Шурасино.

– Я умею считать! Короче! – рявкнул Вотон.

– Минуту терпения… И так пока не будут вызваны все семнадцать. Духи жутко злятся, если что-то идет не так. Прерваться невозможно. Невозможно даже

сказать какое-нибудь постороннее слово. Именно поэтому мне пришлось заморозить гонца, когда он явился не вовремя.

Вотон несколько раз удивленно моргнул. Во всем, что касалось магии, одурачить его было несложно, однако более опытный Пустеллий лишь усмехнулся.

– Зачем же вам понадобилось такое сложное и опасное заклинание, Шурасино? Вы что, собрались открыть мастерскую по огранке философских камней? – спросил он.

– Нет. Мне хотелось, чтобы у Борея появился купол невидимости. Это одурачит боевых драконов наших врагов… – уверенно произнес Шурасино, поспешно соображая, насколько большую глупость он ляпнул.

– И собьет с толку торговцев. Они не смогут находить наш город, и мы понесем убытки, – сказал Пустеллий.

– На земле купол будет отключаться. Я это предусмотрю, – поспешно заявил Шурасино.

– Браво, юноша! – прогрохотал Вотон. – Одурачить боевых драконов – это достойно патриота! Но кто будет отдавать приказ о включении и выключении этого купола? Раз назначение его военное, стало быть, и включать его дело военных.

– Не факт, – вяло возразил Пустеллий, выплевывая в ладошку финиковую косточку. – Давайте рассуждать логически. Это дело также политическое, а стало быть, гражданское. Непонятно, как отнесутся наши союзники к тому, что Борей станет невидимым. Не будет ли это истолковано превратно, как, скажем, проявление слабости?

Усы Вотона встали торчком.

– Союзникам нужны наши победы и больше ничего! – резко сказал он. – Не слишком ли много гражданских дел? Вы, вы… жалкий пораженец и крючкотвор! Думаете, я не знаю, куда вы тянете ручки? Мне сообщили о вашем новом законопроекте! Скоро солдатам и из арбалета нельзя будет выстрелить, не

получив заключения экспертной комиссии о состоянии стрелы, не согласовав траекторию ее полета в магнистерстве иностранных дел, не пройдя плановой магкомиссии на предмет психического здоровья, а также на предмет перхоти и склонности к облысению!

Пустеллий снисходительно посмотрел на соправителя. У него на лице прочитывалось, что лесенка человеческой деградации, по его мнению, имеет следующие ступени: болван – идиот – дегенерат – полный отстой – Вотон.

– Раз вы уж затронули эту тему, извольте! С тем, что стрела должна быть исправной и достаточно острой, вы ведь не будете спорить? Да или нет? – спросил он даже с некоторым оживлением.

– Да-да-да… Но хорошая стрела или нет, сообразят и сами арбалетчики, – буркнул Вотон.

– В самом деле? Ваши арбалетчики знают кузнечное ремесло, молекулярную магию и теорию изготовления наконечников лучше экспертов? Быть может, устроим экзамен? Пятьдесят билетов по три вопроса в каждом, – с насмешкой предложил Пустеллий.

– К тьме экзамен! Они просто хорошие арбалетчики. Этого достаточно.

– Хорошие, плохие, посредственные – это субъективно. М-м-м… На основании чего вы делаете вывод, что они хорошие? У них есть дипломы, они прошли аттестацию, поголовно имеют призы магмеждународных состязаний по стрельбе?.. Опять нет?

– Встаньте к стене, положите на голову яблоко, и они сшибут его стрелой с сорока шагов! А потом пусть то же самое проделают ваши аттестованные штафирки! Да они нашпигуют вас болтами, как ежа! – крикнул Вотон.

Пустеллий посмотрел на соправителя с некоторой тревогой.

– К стенке мы всегда стать успеем, – заметил он резонно. – Но продолжим… Упомянутая комиссия должна работать быстро и достаточно эффективно. Для повышения эффективности можно создать подкомиссию, которая будет

выполнять функцию контролирующего органа. В свою очередь, подкомиссия будет составлять отчеты и передавать их нам. Мы сопоставим отчеты комиссии и подкомиссии, а заодно, любопытства ради, потребуем отчета от военного магнистерства. У кого закупаются стрелы, по какой цене и соответствует ли она качеству? Сдается мне, кто-то нагревает руки, поставляя армии посредственное вооружение и неважный провиант.

– Тухлый демагог! – вполголоса пробормотал Вотон.

– Далее, – делая вид, что не слышит, продолжал соправитель. – Про упомянутое магнистерство иностранных дел и траекторию полета… Если стрела залетит на территорию союзного нам государства, оно будет иметь повод нарушить мирный договор прежде, чем мы сами созреем это сделать… Хорошо это? Скверно!.. Что же касается перхоти и склонности к облысению, то это либо подлые инсинуации ваших осведомителей, либо сатирический прыщ, вскочивший на шутке вашего армейского юмора. Этого в законопроекте нет. Зато… гм… там есть пунктик об обязательном тестировании всех магфицеров на наличие магических способностей. Вас это тоже касается. Использовать боевых драконов в качестве служебного транспорта – это похвально (если не вспоминать о цене ртути), но личный навык есть личный навык.

– ЧТО? – вспылил Вотон, хватаясь за рукоять меча. – Да как ты смеешь? Купчишка! Тебя в лавке за уши трепали!

– Думайте о своих словах, солдафон! Вы можете быть привлечены к ответственности по статье 623, часть вторая, первый параграф, – веско сказал Пустеллий, со значением косясь на длинную скамью. На скамье сидели четыре государственных писца, представлявшие три канцелярии и гражданский архив.

В ту же секунду, как Пустеллий к ним обратился, писцы начали быстро строчить на пергаментах.

– Чушь! Что это еще за бредовая статья? – взвился Вотон.

– О переходе бытового хамства в политическое обобщение, а политического обобщения – в призыв к гражданской войне и сословной розни. В моем лице вы оскорбляете целое сословие, которое содержит вашу далеко не победоносную армию! – выпалил Пустеллий.

– Как у вас язык поворачивается отказывать армии в победоносности? Да мы проливаем кровь, чтобы вы, жирные боровы, могли набивать ваши сундуки редкими артефактами! – рявкнул Вотон, поворачиваясь к другой длинной скамье, на которой помещались два бравых магковника и молодцеватый атаман драконьей сотни.

Магковники и атаман немедленно вскочили и грозно надвинулись на писцов.

Шурасино потирал ручки. Перессорившиеся градоправители совсем забыли как о его опоздании, так и о куполе невидимости. Но радовался он рано. Внезапно оба правителя разом сообразили, что зашли слишком далеко. Рассадив свою свиту по скамеечкам, они с минуту растерянно помолчали, а затем, ухватившись за возможность сменить тему, обрушились на Шурасино.

– Несколько дней назад мы поручили вам некое задание. Нам хотелось бы знать, как далеко вам удалось продвинуться? – сказал Вотон, с нездоровым вниманием разглядывая носки своих сапог.

– Левитационная замазка! – бойко сказал Шурасино. – Я думаю… хм… что я все-таки решил проблему башни. Во всяком случае, я не видел третьей пикирующей крепости по дороге сюда.

– Мы тоже, – признал Пустеллий, задумчиво и мягко посмотрев на него.

Атаман драконьей сотни загоготал на своей скамеечке. Сидящий рядом магковник толкнул его в живот локтем.

– Я об этом и говорю. Моя левитационная замазка сделала третью пикирующую крепость способной к полету, – сказал Шурасино уже с некоторым беспокойством.

Странные намеки градоправителей ему не слишком нравились.

– Разумеется, Шурасино… Вы отлично справились с заданием. Мы ценим ваши верность и предусмотрительность, – кивнул Пустеллий. – Но, возможно, вам несложно будет объяснить нам, куда подевалась башня?

– А заодно и вся третья пикирующая крепость? – уточнил Вотон.

– Как? – удивился юный магистр. – Я думал, вы ее куда-то отправили!

Градоправители переглянулись.

– Мы – нет. Это ты ее куда-то отправил! – переходя на «ты», почти ласково заметил Пустеллий.

Шурасино похолодел. Он понял, как отомстили ему духи эфира! Не дождавшись, пока он снимет с них заклятье, они умчались вместе с пикирующей крепостью и могли теперь быть если не на краю света, то где-то на полдороге…

– Духи эфира! Ах я, баранья башка! – охнул он.

– Ты хочешь сказать, что позволил им угнать летающую крепость и ничего не предпринял, чтобы их остановить? – сухо поинтересовался Вотон.

– Я не думал, что они это сделают! Зачем им крепость? Клянусь воздухом, эти маленькие пройдохи мне за все заплатят! – крикнул Шурасино.

– Заплатят? Недурная идея! Двести тридцать семь тысяч магических золотых… Или твое жалованье за… э-э… тысячу шестьсот сорок пять лет и два месяца… – сухо заметил Пустеллий, быстро подсчитав что-то в уме. – Именно в такую сумму оценивается третья пикирующая крепость. По самым скромным подсчетам и даже при учете износа за две с половиной сотни лет использования. Надо полагать, что возместить эту сумму городу тебе будет затруднительно?

– Сколько-сколько?! – с ужасом спросил Шурасино.

– Разумеется. Я так и предполагал…

Пустеллий взял с блюда финик, осмотрел его, точно прикидывая, достоин ли он быть съеденным, и положил обратно.

– Шурасино, позволь кое-что тебе напомнить… Ты стал магистром сравнительно недавно. Около года назад ты явился к прежнему магистру и приятно удивил его

своими способностями, несмотря на то что не смог даже внятно пояснить, откуда ты, собственно, взялся… Ладно, потеря памяти еще куда ни шло… Вскоре, при обстоятельствах, которые легко можно назвать подозрительными, магистр погиб. Однако мы все же сочли возможным назначить тебя на его место, как самого компетентного из молодых магов Борея. Не скрою, мы возлагали на тебя надежды. И вот теперь такая досадная оплошность…

– Или измена! – безжалостно сказал Вотон.

Оба магковника разом встали. Шурасино нервно облизал губы, прикидывая, успеет ли телепортировать. Нет, едва ли… Вся серьезная магия в зале градоправителей блокируется.

– Или измена, – подтвердил Пустеллий. – Однако, сынок, мы все же дадим тебе шанс. Ты должен отправиться на поиски пикирующей крепости, найти ее и вернуть городу. Возможно, тогда взыскание будет не слишком суровым.

– А иначе?

– А иначе рудники… И не советую бежать, если у тебя возникала такая мысль. У нас длинные руки. Мы достанем тебя где угодно, хоть в Царстве Огня, хоть на океанском дне. Ты слышал об ошейнике удаленной смерти? Тебе придется надеть его. Если нам покажется, что ты проявляешь недостаточно энергии или пытаешься скрыться, ошейник затянется и… – кровожадно сказал Вотон.

Шурасино вздохнул. Он слишком хорошо сознавал, что это не блеф. Ошейник удаленной смерти одурачить очень сложно. Если такой способ вообще существует.

– Я могу хотя бы взять дракона? Мне придется много летать. Пикирующая крепость… я хочу сказать, что она может быть где угодно. Если у меня будут только крылатые сандалии, мне вовек ее не догнать, – проговорил он.

– ДРАКОНА?! У Борея не так много боевых драконов, чтобы мы раздаривали их идиотам, – заявил Пустеллий. – Советую воспользоваться ковром-самолетом. Разумеется, его стоимость тоже будет вычтена из твоего жалованья. А теперь марш с глаз моих, пока я не пожалел, что не заспиртовал на память твою голову! Эй, стража, проследите, чтобы он не улетел без ошейника!

– Я впервые согласен с соправителем. С чего бы это, а? Может, это начало великой любви? – ухмыльнулся Вотон.

Вернувшись в башню, Шурасино стал грустно собираться в дорогу. Он вытряхнул пыль из ковра-самолета и сунул в котомку холодную магоногую курицу. Сколько от нее ни отрывали ножки и ни отламывали крылышки, курица никогда не заканчивалась, и от нее всегда пахло фирменным поездом Москва–Крым. Когда котомка была собрана, Шурасино грустно присел на дорогу и без всякого энтузиазма стал думать о предстоящем путешествии. Его взгляд меланхолично скользил по колоннам. На крайней колонне Шурасино только вчера поставил триста сорок четвертый крестик. Именно столько дней он провел в этом странном мире.

Внезапно что-то зашуршало и завозилось под деревянным ларем со снадобьями. Решив, что это мышь, Шурасино быстро кинулся животом на пол и сунул под ларь руку. Но нет, это была не мышь. Его пальцы нашарили что-то холодное, с колкими выпуклостями бриллиантов.

«Краб!» – догадался Шурасино. Отдернуть руку он уже не успел. Что-то сомкнулось на его запястье, а в следующий миг молодой магистр завопил от непереносимой боли.

Когда широкий браслет на запястье остыл, Шурасино, охая, сдвинул его и разглядел вздувшиеся на запястье буквы:

«ЧАС ПРОБИЛ!»

Глава 3

ЛЮБИМЧИК ТВОЕГО ЛЮБИМЧИКА НЕ ТВОЙ ЛЮБИМЧИК

Старший драконюх Бол Лу Ванн, похожий на белую крысу, которая из карьерных соображений предпочла ходить на задних лапках, ухмыльнулся. Его мелкие зубы – это сплошная история кариеса от первых пятнышек и до финальной стадии.

– Почему ты не вычистил стойло Бека? Продолжаешь возиться со своим любимчиком? – спросил он.

– Он не мой любимчик! У меня нет любимчиков! – крикнул И-Ван.

– Тогда почему, когда я только ни приду, ты торчишь в этом стойле? У тебя что, другой работы нет?

– Это случайность! Просто вы всегда начинаете придираться ко мне, когда я здесь. В других местах вы на меня внимания не обращаете!

– Расскажи про «случайность» своей бабушке! Ах да, у тебя же нет бабушки! И отца с матерью тоже нет! Ты же у нас без роду без племени! Жалкое неблагодарное ничтожество, которое Его Величество по бесконечной своей доброте взял чистить драконьи стойла! – взвизгнул Бол Лу Ванн. И, как всегда при упоминании Его Величества, в его голосе появились фанатичные нотки.

– Отстаньте от моих родных! Я справляюсь! Я убирался у Бека утром, но это бесполезно. В его бассейн нет притока океанской воды. Я сто раз уже просил, чтобы прочистили сток! Это же ваша обязанность, как старшего драконюха, распорядиться, чтобы это сделали! – возмутился И-Ван, забывая простое правило, что с начальством не спорят.

Начальство не ошибается – оно совершает стратегический ход. Когда же начальство хамит – оно отечески отчитывает. Бол Лу Ванн побагровел. Он терпеть не мог, когда ему указывали на его просчеты. Его голос стал жестким, как подошва.

– С кем ты разговариваешь, щенок? Ты понимаешь, кто ты и кто я? Стоит мне моргнуть, и ты отправишься прочищать стоки с мельничным жерновом на шее! А у твоего любимчика Левиафана я прикажу спустить воду! Его кожа высохнет – и он сдохнет!

Вода в каменном бассейне, который соединяла с океаном узкая труба, забранная металлической решеткой, забурлила. Из глубины показалась и высоко поднялась на длинной шее бугристая голова Левиафана. Как у всех водных драконов, у него были узкие, несимметрично прорезанные глаза и забранные перепонками уши. Неразвитые крылья лишь намечались небольшими утолщениями на

лопатках. На месте отсутствующих лап располагались короткие сильные ласты, однако с их помощью дракон лишь сохранял положение своего тела в воде. Плавал же он, прибегая к длинному и мощному хвосту. Правда, плавать на свободе ему приходилось нечасто – только когда Царство Воды объявляло войну своим соседям и принималось опустошать их берега и топить флот.

Покачивая небольшой, в сравнении с колоссальным туловищем, головой, Левиафан мрачно разглядывал старшего драконюха. Потом высунулся из воды еще сильнее и приблизил свою морду почти вплотную к лицу Бол Лу Ванна. Раздвинувшиеся перепонки ноздрей жадно втягивали воздух.

Бол Лу Ванн облизал губы. Поведение дракона казалось ему подозрительным. Однако он был слишком горд, чтобы признать, что не имеет авторитета у драконов из вверенной ему драконюшни.

– Это что еще за фокусы? Что взбрело на ум этому спятившему ящеру? А ну марш отсюда! Рохаллум спиритус! Ты что, не слышал приказа? Феррогис фуэорит! – сипло сказал он, тревожно косясь на амулет с изображением его величества Гуссина Семипалого.

Некоторые льстецы из придворных магов утверждали, что царственное лицо усмиряет гнев драконов. Когда же получалось иначе, потрескавшийся от жара амулет и сваренного вкрутую незадачливого владельца поспешно отправляли на дно в свинцовом саркофаге. Делали это обычно ночью, чтобы не портить статистику.

Однако Большой Луван, как иногда младшие драконюхи называли Бол Лу Ванна, был слишком опытен, чтобы обманываться. Когда водный дракон достигает возраста Левиафана и его размера, то того, кого он атакует, не спасет даже мазь Горгон.

Дракон неторопливо раздувался, занимая своим чудовищным телом весь бассейн. Это была классическая подготовка к атаке. Бол Лу Ванн запаниковал.

– Убери его! Он сейчас меня сварит вкрутую! – взмолился он.

– Левиафан, нельзя! – быстро воскликнул И-Ван. Слишком поздно он сообразил, что не использовал магических слов драконьей команды. Он должен был сказать

Рохаллум спиритус хотя бы для виду. Это было ошибкой и ошибкой серьезной.

Однако приказ последовал как никогда вовремя. Левиафан поднял голову к потолку и осторожно выдохнул струю раскаленного пара. Рядом с бассейном стало дымно и душно.

Бол Лу Ванн закашлялся.

– Ты выдал себя! Теперь я точно знаю, что этот дракон твой любимчик! – с торжеством прошипел он.

– Это ложь! – испуганно крикнул И-Ван.

– А вот и нет! Вспомни: любимчиком дракон становится, когда перестает слушать магические команды и повинуется обычному человеческому голосу! Такой дракон потерян для боевой магии и бесполезен для армии! – Бол Лу Ванн поспешно оглянулся на Левиафана.

Тот вновь уже втягивал в себя воздух, всем своим видом показывая, что следующий выдох будет прицельным. И Бол Лу Ванн это хорошо понял.

– Я с вами обоими позднее разберусь! – угрожающе произнес он, начиная пятиться. – Думаю, мне не стоит скрывать происходящее от начальника царской стражи! Мерзкий боевой дракон вообразил себя невесть кем! Вот что бывает, когда этих чудовищ начинают баловать!..

Длинные фалды его придворного костюма описали круг, который мог бы описать хвост улепетывающей крысы. Уже почти исчезнув, Лу Ванн обернулся.

– Вам не так много осталось быть вместе! Я обещаю! Тебя не спасет даже принц Форн! И его тоже! – сказал он, и это не было просто угрозой.

И-Ван ощутил исходящую от него холодную и сосредоточенную ненависть. Да, эта история будет иметь продолжение.

– Лу Ванн тебя крепко невзлюбил. И меня тоже из-за тебя. Напрасно ты тогда во время смотра опозорил его перед всем двором. Все хохотали, когда ты хвостом

смахнул его с мостков в воду, – проговорил он, обращаясь к Левиафану.

Дракон ненадолго нырнул, смочил кожу и, вновь показавшись из воды, легонько толкнул И-Вана головой под колени. Устоять после этого на ногах было так же невозможно, как остаться в живых после наезда асфальтоукладчика. Эта игра продолжалась уже несколько месяцев и очень нравилась дракону. И-Ван любил ее чуть меньше, хотя и понимал, что огромный дракон никак иначе не может выразить свою симпатию. Если бы Левиафан ударил его головой не в шутку, а хотя бы в треть силы, на камнях от И-Вана осталось бы только мокрое пятно.

– Ах ты, старый подводный чемодан! С чего ты вообще решил, что ты мой любимчик? Здесь нельзя иметь любимчиков! Читай! – ворчливо сказал И-Ван Левиафану, кивая на табличку на стене.

«ОТКРЫВАТЬ ЗАПОРНЫЙ ШЛЮЗ И ВЫПУСКАТЬ ДРАКОНОВ В ОТКРЫТЫЙ ОКЕАН ТОЛЬКО ПО АДМИРАЛЬСКОМУ ПРИКАЗУ».

– Э, нет! – сказал И-Ван. – Не эта! Соседняя!

«ПОД СТРАХОМ СМЕРТНОЙ КАЗНИ НЕ ПРИВЯЗЫВАЙТЕСЬ К ДРАКОНАМ И НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ИМ ПРИВЯЗЫВАТЬСЯ К ВАМ!»

– Да, эта самая!

То ли выражая свое отношение к табличкам, то ли просто так дракон лениво плеснул хвостом, забрызгав стену океанской водой.

– Честно говоря, я не совсем понимаю, почему нельзя, чтобы драконы к тебе привязывались. Что здесь такого? – продолжал И-Ван. – Однако я точно знаю, что моего предшественника утопили только за то, что дракон, за которым он присматривал, не желал слушать больше ничьих команд. Вы, драконы, такие. Если уж полюбите, то один раз и на всю жизнь… Тот дракон, ну его дракон, вскоре погиб. Говорят, не успел нырнуть, когда у самого берега на мелководье их атаковали пикирующие крепости Борея. Но я думаю, он сделал это сознательно, потому что все остальные драконы спаслись.

Левиафан закрыл глаза. Он любил слушать рассуждения своего друга, хотя мало что понимал. Однако человеческий голос его убаюкивал. Драконы редко думают о будущем. Они живут настоящим.

И-Ван задумался. После того, что произошло, – Левиафан попытался напасть на старшего драконюха, а он остановил его простым окриком, не применив ни амулета, ни заклинания подчинения, – отрицать очевидное было невозможно. История повторилась. Левиафан привязался к нему, а он к Левиафану. Железное правило Царства Воды нарушено, и Бол Лу Ванн уже мчится доносить начальнику стражи. Сегодня вечером или завтра утром о происшествии будет доложено Его Величеству Гуссину Семипалому, который мало того, что величайший скряга, но еще и автор трактата: «Вода и казни (212 новых способов, как утопить, обваривать или скормить акулам). Посвящается моей жене Улюлии с благодарностью за вдохновение«. Недаром в его Царстве нет даже тюрем, да и зачем они, когда так близко океан и так велика монаршая фантазия?

Надо было на что-то решаться, причем срочно. И-Ван опустил голову на руки, точно прочитанную книгу пролистывая в памяти последний год…

* * *

Вот он на корточках сидит на песке у океана, долго и с изумлением разглядывая свое лицо в мелкой лужице, оставшейся после прилива. Смотрит – и испытывает чувство человека, встретившего случайно знакомого, о котором может вспомнить лишь то, что где-то его видел.

«Кто я? Что со мной?» – думает он.

Одежда, которая на нем, тоже не содержит подсказок. Рубашка с короткими рукавами, светлые брюки, а вот ноги почему-то босые. Сев на песок, он осматривает свои ступни. Они чистые, а кожа мягкая. Это-то и странно. У того, кто постоянно ходит без обуви, ступни должны быть жесткими, привыкшими к занозам и камням…

Он поднимается, всматриваясь в свои следы – ведь должен же он был как-то попасть сюда, – и почти сразу во рту у него пересыхает от нехорошего

предчувствия. Песок гладкий, чистый, зализанный приливом. И никаких следов вокруг, кроме тех, что он оставил только что. НИКАКИХ!

Как же он попал сюда? Если пришел во время прилива по колено в воде, что хотя и маловероятно, но возможно, то почему брюки сухие? Нет, едва ли. Он просто очутился здесь в том, в чем был, – очутился внезапно, оставив где-то в ином месте и обувь, и прежнюю свою память. Может, его сбросили с ковра-самолета?

В поисках разгадки И-Ван начинает рыться в карманах. Находит простенький талисман – такой вполне может защитить от волчьего зуба, во всяком случае, этот зуб вставлен в деревянную оправу с узорами – и обрывок бумаги. Развернув его, он понимает, что это письмо или записка.

«..анька, ну и мастер ты писать секретные письма! Читали тридцать минут всем этажом. Ты че, ногой, что ль, писал, а руками тогда чего делал, как любит говорить Склепова. У меня все хорошо. Твой жар-птиц разжирел, гад, живет у Таньки, и перья у него лезут…»

«Хм… Значит, у меня был друг и какой-то секрет, который он радостно раструбил… И жар-птиц у меня тоже был», – рассеянно подумал он. Ну не странно ли, что пытаешься узнать о себе из письма, которое написано тебе?

Весь день И-Ван шел по побережью, толком не зная, ни куда он идет, ни откуда. Уже смеркалось, когда чья-то рука бесцеремонно опустилась ему на плечо. Он увидел трех солдат в прозрачных панцирях, которые грубо потребовали сказать, кто он и что здесь делает. Не получив внятного ответа, они связали И-Вану руки и, натянув на голову мешок, чтобы он не шпионил (как они заявили), перекинули животом через седло. Примерно через полчаса тряски И-Вана – в голове у которого от прилива крови началось нечто вроде звездопада – ввезли в город. Он понял это по изменившемуся звуку, так как копыта стучали теперь по брусчатке. Вскоре его сдернули с седла и заставили подниматься по ступенькам. Открылась и захлопнулась тяжелая дверь, после чего кто-то снял с его головы мешок.

Жирный маг с прозрачным животом, в котором булькали водоросли, сидел в неглубоком бассейне и прямо под водой перелистывал толстую книгу. Вид у

мага был такой, словно ему надоело все на свете и еще больше он надоел сам себе.

И-Вана подтолкнули к бассейну.

– Что еще? – хмуро спросил маг у сопровождавших И-Вана солдат.

– Шпиона поймали! – сипло сказал один из стражников.

– Я не шпион! – возмутился И-Ван.

Носатый солдат, которому И-Ван почему-то особенно не нравился, толкнул его в спину.

– Поговори у меня!.. А кто же ты? Торчал на берегу. Отказался назвать свое имя!

– Я его не помню!

– Ничего! Вот утопят – вспомнишь!

– Кончайте препираться. Развяжите его! Пусть опустит руку в воду и коснется книги! Поживее! – сварливо приказал жирный маг.

И-Вана развязали. Копья солдат, уткнувшиеся ему в спину, подсказали, что просьбу надо выполнить. Страницы книги были скользкими, как медуза. И-Ван ощутил, как пальцы его обожгло. Влажный жар пробежал по руке.

– Ишь вцепился! Все, можешь убрать пальцы! Его зовут И-Ван… Он наш, из поселка, который не так давно сожгли маги земли. Парень, видно, просто спятил от ужаса, раз все забыл… – буркнул маг.

– Так-то оно так… Но уж больно одет странно, – возразил носатый солдат.

– Одежа небось с ярмарки или нашел ее где… По-твоему, книга врет, что ли? – огрызнулся маг. – А ты, нос, опусти-ка руку в воду!

– Зачем это? – удивился солдат.

– Я расскажу тебе, сколько ты проиграл в карты за последний месяц и почему начальник караула никак не может найти свою новую упряжь.

Лицо у солдата вытянулось, и он поспешно слинял вместе с гоготавшими товарищами. И-Вана они оставили в комнате мага, видно, утратив к нему интерес. Маг лениво выбрался из бассейна. Его огромные ступни смахивали на ласты: похоже, в роду у него были водяные. Створки вещей книги захлопнулись, и она приняла вид крупного моллюска.

– Спустишься вниз, в людскую. Там тебя накормят. Сиди и жди. Я доложу управителю канцелярии. Он сообразит, что с тобой делать, – зевнул маг, по-прежнему едва замечая И-Вана.

И-Ван поплелся к лестнице.

– Да, и убегать не вздумай! Башня заговорена, так что семь раз пожалеешь, – крикнул вслед ему маг.

Царская канцелярия работала четко, и уже на другой день к полудню И-Ван был назначен младшим драконюхом. О том, что он имеет опыт обращения с драконами, сообщила, похоже, все та же книга-моллюск. Или же маг, имевший в роду водяных, вовсе не был таким рохлей, каким хотел казаться. Недаром И-Ван еще не раз в тот же день ощущал странную щекотку в области затылка…

И вот теперь год спустя над И-Ваном вновь сгустились тучи. Один из лучших боевых драконов, Левиафан, выбрал его своим хозяином. Правда, И-Ван действительно, чего уж греха таить, проводил с ним больше времени, чем с остальными, но… кто, в конце концов, просил ящера обо всем догадываться, а?

«Пора отсюда выбираться, пока Его Величество Гуссин Семипалый не подарил мне свинцовый саркофаг на океанском дне», – подумал И-Ван. Именно так, в виде щедрых царских подарков, здесь и устраивались казни.

Торопливо закончив убирать стойла, И-Ван вышел из драконюшни. Он чувствовал, что должен с кем-то посоветоваться. С кем-то, кто мог дать ему

толковый совет, при этом не предав его. А такой друг во всем городе у него был только один, при том, что его нельзя даже назвать человеком. Он оскорбился бы, если бы его так назвали. Конечно, человек – это звучит гордо, но так считают лишь сами люди.

* * *

И-Ван обогнул драконюшню, по длинному молу вышел на берег и углубился в хаотично переплетенные городские улочки. От-И-Тида – возможно, вы слышали одно из тысяч фонетических отражений этого названия, которое во множестве отблесков разбрелось по всем измерениям, – одним своим концом упиралась в океан, из которого маги воды черпали энергию своей стихии и где в широком заливе стоял многочисленный ее флот. Другой же, обнесенный стенами, край города завершался скалой, которая длинным своим выступом смотрела точно на владения магов огня и земли.

Однако чаще всего От-И-Тида страдала от нападений с воздуха – ибо от пикирующих крепостей Борея не было никакого спасения. Правда, лишь до недавних пор, пока городские маги не стали прибегать к заклинаниям дождя и шторма, сбивая могучими океанскими валами слишком низко опустившиеся крепости.

И-Ван заглянул в трактир «Сундук магряка», где пили булькалку обветренные морские волки. Подогревшись до определенного градуса, они обычно валили толпой к канцелярии писцов учить жизни сухопутных крыс. Заканчивалось все где-то под утро разгромом кабака или веселого дома. Пройдя через грязную комнату, где на него не обратили никакого внимания, И-Ван выскользнул из трактира с другой стороны, оказавшись на соседней широкой улице. Почти сразу улица завершалась небольшой пыльной площадью Императрицы Амулии, которую гораздо чаще называли площадью Кентавров, так как именно сюда они приходили наниматься на работу. В этот час площадь была почти пустой, не считая нескольких кентавров, таинственно беседовавших под соломенным навесом. Когда И-Ван приблизился, кентавры разом замолчали и мрачно уставились на чужака.

Опыт показывает, что одно живое существо может относиться к другому живому существу отлично, хорошо, почти хорошо, так себе, неважно, плохо, очень плохо, скверно, очень скверно и крайне скверно. Но и «крайне скверно» – это не

предел. Можно относиться еще хуже. Именно так и относились к магам кентавры. Когда-то их свободный и вольный народ селился на огромных степных равнинах, тянувшихся от океана через все Дикие Земли вплоть до Варварских Лесов. Но так было лишь до начала войн. Теперь же народ кентавров, обескровленный и потерпевший несколько сокрушительных поражений от пикирующих крепостей и армий магов, поставлял в их войска лучников и выполнял другие повинности. Нет, кентавры не были рабами. Во всяком случае, в государственных отчетах канцелярии Его Величества Гуссина Семипалого это слово не звучало. Но сути это не меняло…

И-Ван нерешительно оглядел кентавров. Среди них было четыре гнедых, два соловых и один серый в яблоках. Ненависть, которую они испытывали к нему, как к одному из магов, была почти физически ощутима. Всех их И-Ван видел впервые и не знал их имен, что при общении с кентаврами особенно важно.

Он давно усвоил простое правило: если хочешь узнать, какой статус у кентавра в племени и важная ли он птица, спроси у него, как его зовут. Учитывая, что одежду кентавры не носят и орденов с медалями не признают – имя несет особенно высокую нагрузку. Кентавры с короткими именами вроде Гин, Эрх, Фин, Гай скорее всего просто стрелки из лука и обычно упрямы как ослы. Кентавры с именами подлиннее – скажем, Марий, Фобий или Лидий – толковые ребята, но звезд с неба тоже не хватают и негативно относятся ко всему, чего не понимают. А вот многобуквенные Тересий, Павсаний, Ипполит или Дефиоб вполне могут оказаться племенными вождями или жрецами.

Недавним приказом падкого на усовершенствования Гуссина Семипалого все кентавры получили фамилии: Мерин, Онагров, Кобылин, Жеребячко, Ишаков, Седлов, Уздечкин, Гривин и другие в том же роде и духе. Однако фамилии, хотя их и внесли в соответствующие государственные реестры, у самих кентавров не прижились. Они упорно делали вид, что не в состоянии их запомнить. Когда же взбешенный Гуссин под страхом смертной казни велел каждому кентавру выучить его фамилию, они придумали другую отмазку. Пользуясь тем, что для магов все кентавры на одно лицо, кентавры стали менять фамилии небрежно, как меняют что-то совсем ненужное. Сегодня Копытин назывался Шпориным, а завтра мог стать Гнедко или Телегиным. Дорожили они только своими природными именами.

И-Ван кашлянул. Когда на тебя в относительно пустынном месте смотрят несколько кентавров – невольно начнешь ощущать себя неуютно.

– Хорошей скачки, кентавры! Мне нужен Мардоний! – приветствовал он их.

Услышав традиционное для кентавров приветствие, два соловых кентавра переглянулись и заржали – заржали именно так, как могли бы заржать здоровые молодые жеребцы.

– Вы не можете мне помочь? Я хочу видеть Мардония! – повторил И-Ван.

– Уйди, маг! Ты не из наших. Мы ничего не говорим чужакам, – процедил серый в яблоках кентавр.

– Каждый чужак стоит стрелы. Это самое большее, что ему стоит подарить. Причем загнать ему ее в грудь так, чтобы она вышла из спины. Только тогда подарок может считаться врученным по всем правилам, – добавил гнедой кентавр.

– Но я ничего вам не сделал! – сказал И-Ван.

Соловые кентавры снова заржали. Один из них даже лягнул приятеля копытом, словно говоря: смотри, какую чушь несет этот маг! И-Ван подумал, что, по всем признакам, у них в именах негусто букв.

– Согласен, – сказал серый в яблоках. – Если бы ты нам что-то сделал, тебя бы уже не было.

– Ты был бы растоптан!

– Мы захлестнули бы тебя веревками и размыкали по степи!

– Всего хорошего. Было крайне приятно с вами пообщаться. Ваша позиция потрясла меня глубиной аргументации, – сказал И-Ван.

Он подумал, что обижаться на этих кентавров не стоит. Скорее всего у них очень короткие имена. Понимая, что оставаться дольше бессмысленно, он повернулся и пошел прочь, ощущая, как спину ему сверлят недружелюбные глаза.

– Зачем тебе нужен Мардоний? – вдруг услышал он голос.

И-Ван оглянулся. Он даже не понял, кто его спросил. Кажется, кто-то из гнедых – из тех, что до сих пор молчали.

– Я… Мне нужно с ним поговорить.

– О чем? – Фраза была такой короткой, что И-Ван снова не понял, кто произнес ее.

– Это наш разговор. Мой и его. Кентаврам с тремя буквами в имени не стоит о нем знать, – надеясь разобраться, кто именно заговорил с ним, произнес И-Ван.

Уловка сработала. Худощавый гнедой кентавр выскочил вперед.

– В моем имени пять букв. Меня зовут Фотий. Мне ты можешь сказать, – не без гордости отчеканил он.

– Едва ли, – сказал И-Ван.

– А я думаю «да». Ты ведь тот юноша-маг, который разделил с Мардонием его смерть?

Это удивило И-Вана. Он никогда прежде не видел этого гнедого, однако тот откуда-то его знал.

– Да, это я. Я разделил с Мардонием смерть, – кивнул он.

Фотий посмотрел на него с интересом:

– Зачем ты это сделал?

– Так получилось, – сказал И-Ван. – Я не продумывал этого заранее. Я шел по городу в сумерках, а он лежал на камнях. Вначале я подумал, что это просто конь.

– Конь? – обиделся гнедой. – Мы не кони!

– Раньше я редко видел кентавров. Но потом я понял, кто это, и попытался помочь. Я примерно представлял себе, как это можно сделать…

И-Ван вспомнил, как присел рядом с хрипящим кентавром и глубоко рассек себе ножом свою ладонь. Сделав такой же надрез на ладони кентавра, он смешал их кровь и произнес древние слова Эраб тезеус, приняв на себя половину смерти. Хотел бы он знать, что заставило его так поступить? Благородство, сострадание, жалость? Или он просто не разделял предрассудков здешних магов? Все произошло слишком быстро. Но тогда, едва Эраб тезеус заставил забурлить смешавшуюся кровь, И-Вану было не до рассуждений. Сразу же ему сделалось так скверно, что он уткнулся лбом в камни и его стало рвать желчью.

До целебного источника, смывавшего все проклятия, его дотащил уже кентавр, справлявшийся со своей половиной проклятия куда как достойнее. Так что в конечном счете сложно сказать, кто кому обязан жизнью.

– Его сглазили эти негодяи-маги, которым он бросил вызов! Они прокляли его кровь, Мардоний умирал! – крикнул серый в яблоках кентавр.

Фотий обернулся на него, и серый в яблоках замолчал.

– Этот парень разделил его проклятие на двоих. Но он тоже мог умереть! Никто не знал, как сильно Мардоний был проклят. Могло случиться, что проклятья хватило бы и на десятерых, – изрек он.

– Одна смерть на двоих – это много. В конце концов, нам обоим удалось выкарабкаться, – сказал И-Ван.

И-Ван заметил, что оба соловых кентавра и все гнедые смотрят на него уже другими глазами. Только серый в яблоках, пожалуй, продолжал его ненавидеть.

– Все равно я не пойму, зачем ты пошел на это! У тебя же были неприятности! – гнедой, казалось, силился понять.

– Неприятности есть у всех. Если у кого-то нет неприятностей, это значит, что он уже умер, – сказал И-Ван, пожимая плечами.

– Но зачем ты помог кентавру? Ты же маг!

– Я помог кентавру, потому что ему нужна была помощь. И потому что кентавры заслуживают лучшей участи, – сказал И-Ван.

– Кентавры не нуждаются в благодеяниях магов и в их подачках! Лучше бы ты дал Мардонию умереть, – заявил серый в яблоках. Судя по апломбу, с которым он держался, у него было в имени буквы четыре. Но едва ли больше пяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Редкое магическое дерево. Не горит в огне, не тонет в воде, но взрывается при одном звучании слова «баобаб». К счастью, упомянутое дерево не известно в данном измерении. На слово же наложено табу.

Купить: https://tellnovel.com/ru/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-botinki-kentavra

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить